

ИГОРЬ СТЕПАНОВИЧ УЛУХАНОВ,
ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА СОЛДАТЕНКОВА

СЕМАНТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ

0. В данной статье делается попытка реализации части тех возможностей изучения лексики языка Древней Руси, которые появились в связи с публикацией исторических, этимологических и диалектных словарей русского языка и были рассмотрены нами в (Улуханов, Солдатенкова 2002, 29–61). В статье 2002 года была изложена функционально-генетическая классификация лексики языка Древней Руси. Классификации подверглись ~4000 слов, содержащихся в СДРЯ XI–XIV и начинающихся на буквы А, Б, Г, Д. Предлагаемая вниманию читателей статья основана на изучении семантики всей лексики, содержащейся в шести вышедших томах СДРЯ XI–XIV (18110 слов, не считая отсылочных), но полному описанию в ней подверглась та часть лексики, которая рассматривается (в соответствии с функционально-генетической классификацией) как лексика только языка повседневного общения XI–XIV вв. (для краткости и несколько упрощенно называемая далее “разговорной”, см. Улуханов, Солдатенкова 2002, 32). Не описываются требующие специального анализа устойчивые словосочетания.

Критерии гипотетического отнесения лексики к разряду разговорной изложены в указанной статье. Главным критерием, основанным на тезаурусном характере СДРЯ XI–XIV (см. об этом Улуханов 2002, 373, 374), является сфера фиксации слова в памятниках XI–XIV вв.; учитываются, естественно, фиксации в Сл РЯ XI–XVII и Срезн. Помимо этого критерия, используются фонетический, словообразовательный и семантический критерии, а также наличие/отсутствие слова в говорах (см. Улуханов, Солдатенкова 2002, 30–32).

Используя эти критерии, из 18110 рассмотренных слов СДРЯ XI–XIV к “разговорным” мы отнесли ~2000, т. е. ~11%. Эту лексику гипотетически можно считать собственно древнерусской лексикой, поскольку она отсутствует в церковнославянском языке – если пользоваться терминами двуязычия, или в церковно-книжной разновидности древнерусского языка. Основные сферы ее употребления в XI–XIV вв. – деловая и бытовая письменность и летописный рассказ (вслед за И. П. Ереминым (1949) и В. В. Виноградовым (1978) мы выделяем в летописи два типа контекстов – книжные “повести”

и летописный рассказ; первые могут рассматриваться как написанные по-церковнославянски, вторые – по-древнерусски; подробнее (см. Улуханов 1969, 128–176)).

Лексика древнерусского языка повседневного общения заслуживает изучения с самых различных точек зрения – семантической, генетической, словообразовательной, словоизменительной и т. п. Полное описание данной лексики с указанных точек зрения может быть дано в монографии, а может быть, и в серии монографий. В данной статье изучается семантика этой лексики, т. е. определяется тот круг реальных, который называется древнерусскими словами, отсутствующими в церковнославянском языке русской редакции (в основном, по данным СДРЯ XI–XIV). Отсутствие в этом словаре цитат из каких-либо, в том числе и из церковно-книжных памятников, означает отсутствие описываемого слова в этих памятниках, поскольку СДРЯ XI–XIV основан на картотеке, включающей каждое употребление каждого слова во всех источниках словаря (о которых см. СДРЯ XI–XIV, I, 23–68 и VI, 9–65).

Семантическая классификация изучаемой лексики (естественно, с учетом ее древнерусской специфики) дается на основе наиболее полной и детальной классификации современной русской лексики, представленной в публикуемом *Русском семантическом словаре* (РСС, I, II). Конечной ступенью семантической классификации в этом словаре является “лексико-семантический ряд” (или конечное подмножество), отражающий определенный фрагмент картины мира. Вместе с авторами РСС мы полагаем, что “конечное или предконечное подмножество не просто является подборкой близких по значениям слов: оно имеет глубокий познавательный смысл. Соединенные здесь слова открывают перед нами то, что можно назвать “картинкой жизни”: они именуют ее определенный узкий участок, о нем информируют и его живописуют” (РСС, I, X). Это, как известно, не пассивная информация о существующем, а информация, так или иначе интерпретированная (и поэтому для разных языков не вполне одинаковая); ср. сказанное в РСС о языковой основе созданной классификации: “вычленение лексических классов как конструкторов, созданных самим языком в ходе его истории, оказывается описанием его собственного строения, разграничением органических участков языковой системы” (РСС, I, XI).

Языковая “картинка жизни”, отраженная в нашем описании, не может претендовать на полноту, поскольку мы описываем не всю лексику сферы повседневного общения, а лишь лексику XI–XIV вв., принадлежащую только этой сфере, и не включаем в основной кор-

пус описания (хотя и приводим для сопоставления) ту лексику повседневного общения, которая является общей с церковнославянским языком (так называемые “нейтральные” слова, по нашей классификации, см. Улуханов, Солдатенкова 2002, 44–50). В то же время представляет безусловный интерес, какие лица названы изучаемой нами “разговорной” лексикой, какие не названы или названы нейтральной или книжной лексикой.

Неполнота описания “картинки жизни” древнерусского человека обусловлена также и тем, что мы изучаем лишь названия самого человека, но не его признаки и действия, или окружающую его ситуацию (ср. учет этих факторов, например, в Апресян 1995, Чернышова 1998, Вендина 2002). Семантика древнерусских разговорных прилагательных и глаголов, их сочетаемость с названиями лиц заслуживают специального исследования.

Эта лексика, выделяемая как основной объект (“основной корпус”), однако, не может быть описана изолированно от соотносительной лексики, входящей в другие функционально-стилистические и хронологические сферы языка. Поэтому, описывая наиболее подробно лексику языка повседневного общения XI–XIV вв., мы даем обзорное (не претендующее на полноту и нередко в виде списков) описание: а) разговорной лексики, зафиксированной в более поздних (XV–XVII вв.) светских памятниках; б) нейтральной и книжной лексики XI–XIV вв., относящейся к тому же подмножеству, что и описываемое¹.

Размеры статьи не дают возможности описать семантику всех 2000 разговорных слов, содержащихся в указанных томах СДРЯ XI–XIV вв., поэтому мы ограничимся описанием части самого объемного лексического класса существительных – названий лиц (см. сводную схему их классификации в современном русском языке в РСС, I, 66).

Из лексического класса названий лиц в данной статье описаны² (номера раздела нашей классификации соответствуют номерам разделов статьи):

1. Общие обозначения лиц (РСС, I, 65).
2. Названия лиц по характерным признакам: по свойству, состоянию, отношению, по связям, по действию, по функциям (РСС, I, 68).
- 2.1. По отношению к расе, национальности, а также к территории, к месту жительства, по местонахождению (РСС, I, 68–72); это подмножество будем сокращенно называть национально-территориальным подмножеством.

- 2.2. По интеллектуальному, интеллектуально-эмоциональному, интеллектуально-эмоционально-физическому состоянию, свойству, качеству и их проявлению (РСС, I, 73–121); это подмножество можно сокращенно назвать интеллектуально-характерологическим (в дальнейшем для краткости просто характерологическим), поскольку слова этого подмножества характеризуют называемое лицо.

Названия лиц – это, как известно, одна из самых обширных семантических групп существительных, неоднократно рассматривавшаяся как с диахронической, так и с синхронической точек зрения. В предложенном ниже описании части этой группы исследованы древнерусские названия с функционально-стилистической и семантической точек зрения.

1. Конечный лексический ряд “общие обозначения” (лица, человека) (РСС, I, 65) разговорными словами в древнерусском языке, по-видимому, не был представлен: все относящиеся к этому ряду слова являются чаще всего нейтральными (общие понятия в данном случае обозначаются общеупотребительными словами), реже – книжными. К нейтральным относятся *человѣкъ*, *людинъ* (24)³, *моужь* (> 2000), *людикъ* (~10 000), *доуша* (> 1000) (в значении ‘человек’), *чадь* в знач. ‘люди’.

К книжным “общим обозначениям” человека относится частотное слово *лице* (> 1000), интересное тем, что в разных значениях оно, вероятно, относилось к разным функционально-стилистическим разновидностям древнерусского языка. В значении ‘личность, отдельный человек’ (см. СДРЯ XI–XIV, IV, 411–412; Сл РЯ XI–XVII, 8, 254) это слово зафиксировано почти исключительно в церковно-книжных памятниках: Трехъ лицѣхъ пакоститъ клеветникъ. ѡклеветаемому и слышашому и самому себѣ (прѡсѡлоу). Пч. н. XV (1) 37; единственный пример из летописи относится к книжному контексту – молитве “Символ веры”, восходящей к греческому “Исповеданию веры” Михаила Синкелла (Пов. вр. л. 1950, II, 340). Слово означает ‘ипостась’: не трѣе Бѣзи единъ Бѣ. по нему же едино Бж(с)тво. въ трехъ лицахъ. ЛЛ 1377, 39 (988). Возможно, современный книжный характер этого слова именно в данном значении сохранился с древнего периода – так же как и нейтральность этого слова в значении ‘передняя часть головы человека’; ср. фиксацию в этом значении не только в книжных памятниках, но и в летописном рассказе об ослеплении Василька (ѡвчюхъ Сѣтополчъ держа ножъ. и хотѣ оударити в око. и грѣшисѣ ѡка и перерѣза юму лице. ЛЛ 1377, 88 (1097)

и в грамоте: аще оударить по лицу или за волосы иметь ... платити безъ четверти грѣвна серебра. Гр. 1229 сп. 1270–1277 (смол.). В значении же ‘поличное, украденная вещь, обнаруженная у вора или покупателя и опознанная хозяином’ слово принадлежало скорее всего древнерусской деловой речи, о чем свидетельствуют его фиксации в памятниках в XI–XIV вв. (в СДРЯ XI–XIV приведено пять контекстов из Русской правды, два контекста – из летописи и лишь один контекст из книжного юридического памятника – МПр XIV₂, куда оно могло проникнуть из древнерусской деловой речи).

К книжным словам относятся *соуицѣство*, *суицик*, означавшее, по видимому, не только человека, но все “сущее”, живое (см. Срезн., III, 634, 635), а также субстантиваты *земьныи*, *земельныи*, *земьскыи* ‘житель земли’ (СДРЯ XI–XIV, III, 370, 377–379).

С XV века в светских памятниках фиксируется заимствование *персонъ* (*персона*): Государь нашъ Ирикъ ... прислалъ къ вамъ своихъ честныхъ мужей, воеводу болшого надъ суды ... да меня съ нимъ малого персону. Швед. д., 151, 1568 г. (ср. швед. *person*); Сиа государства разлучна бѣша ... разныхъ персонъ ко владѣнию ихъ ... призваниемъ и избраниемъ. Польск. д. I, 383, 1583 г. (ср. старопольск. *persona*) и *особа*: Почту его милости пана Миколая Талвоша, кашталяна менского ... двору его милости самого и зъ дворяны его королевской милости, которые при его милости идутъ, людей особъ 257, коней 300. Польск. д. III, 621, 1570 г. (ср. старопольск. *osoba*); ср. В. В. Виноградов (1999, 272; первая публикация в 1946 г.) так характеризовал семантику этих слов: “Слова *персона* и *особа*, вошедшие в русский литературный язык XVI–XVII вв., не обозначали индивидуального строя и внутренних, моральных прав и склонностей человеческой особи. Они выражали лишь официальное положение лица, его общественно-политическую или государственную неприкосновенность и важность (ср. связанные с основой *osob-* обозначения личности в западнославянских языках: польское *osobistość*, чешское *osobnost*)”.

Характеризуя всю совокупность общих обозначений лица, В. В. Виноградов отмечал ее тесную связь с представлением о человеке, отраженным в текстах XI–XVII вв.: “В древнерусском языке до XVII в. не было потребности в слове (имеется в виду слово *личность*. – И. У., Т. С.), которое соответствовало бы, хотя отдаленно, современным представлениям и понятиям о личности, индивидуальности, особи. В системе древнерусского мировоззрения признаки отдельного человека определялись его отношением к богу, общине или миру, к разным слоям общества, к власти, государству и родине, род-

ной земле с иных точек зрения и выражались в других терминах и понятиях. Конечно, некоторые признаки личности (например, единичность, обособленность или отдельность, последовательность характера, осознаваемая на основе тех или иных примет, сконцентрированность или мотивированность поступков и т. д.) были живы, очевидны и для сознания древнерусского человека. Но они были рассеяны по разным обозначениям и характеристикам человека, человеческой особи (*человек, людие*; ср. *людин, лице, душа, существо* и некоторые другие). Общественному и художественному сознанию древнерусского человека до XVII в. было чуждо понятие о единичной конкретной личности, индивидуальности, о самосознании, об отдельном человеческом “я” как носителе социальных и субъективных признаков и свойств (ср. отсутствие в древнерусской литературе жанра автобиографии, повести о самом себе, приемы портрета и т. п.) (Виноградов 1999, 271–272).

2. Центральное место среди названий конкретных разновидностей “реальных лиц, людей” занимает подмножество “названия лиц по характерным признакам: по свойству, состоянию, отношению, по связям, по действию, по функциям”, являющееся основным предметом описания в данной статье. Оно делится на пять подмножеств (см. Примечание 2), два из которых описываются в разделах 2.1.–2.2.

2.1. Национально-территориальное подмножество в свою очередь делится на два подмножества, которые можно сокращенно назвать национально-расовое (раздел 2.1.1.) и территориальное (названия живущих или пребывающих на какой-л. территории) (раздел 2.1.2.).

2.1.1. Слова национально-расового подмножества включают в РСС, I лишь один лексический ряд – названия лиц “по расовой, национальной принадлежности, по внешним расовым признакам” (РСС, I, 68). Это один из многих лексико-семантических рядов, не отраженных, судя по историческим словарям, в лексике древнерусского языка. Не имея возможности в дальнейшем характеризовать такие ряды, отметим, тем не менее, что факт их отсутствия также в какой-то мере характеризует древнерусскую лексику, указывая на то, что ей не свойственно. Так, данный лексический ряд в современном языке включает в себя поздние заимствования типа *австралоид, аран, ариец, креол, метис, негр* и др. (названия конкретных народов помещены в РСС, I, 353 в подмножество “совокупности лиц”, что не бесспорно) или такие слова, которые еще не развили расово-национального значения: *белый, желтый, цветной* и т. п. Значение “темнокожий” у слова *чърный* в древнерусском языке означало цвет кожи, а не принадлежность к определенной расе; ср. а дѣмонѣ

суть неключии. черни, тѣмнѣ. Жит. Андр. Юр., 373; слово может употребляться для обозначения отдельного народа (мавров), но не расы: Властелѣ Чърныхъ (τῶν Μαύρων) Ефр. крм. Крѣ. 72.

2.1.2. Наибольшее число древнерусских слов содержит территориальный раздел национально-территориального подмножества: “по отнесенности к месту жительства, пребывания, к территории, местности” (РСС, I, 70).

2.1.2.1. Правда, открывающий его лексико-семантический ряд “общие обозначения”, подобно рассмотренному выше (п. 1) соответствующему ряду, включающему названия лиц вообще, в древнерусской лексике отражен слабо.

Ни об одном из четырех слов лексико-семантического ряда “общих обозначений”, приведенных в РСС, I, 70 – *жилец*, *житель*, *обыватель*, *сосед*, – нельзя сказать с полной уверенностью о его принадлежности к разговорной лексике XI–XIV вв. (об этих словах см. ниже).

Несомненно, однако, принадлежат этой лексике сущ. *сѣбѣрь* ‘сосед, член одной общины’, представленное в Срезн. цитатами только из деловой письменности, наиболее ранняя из которых относится к 1400 г.: Се розапсаша сѣбри Вастечкии ободѣ Вастечьскои земли съ старыхъ грамотъ. Обв. Зап. Васт. земли ок. 1400 г. (Срезн., III, 907; в списке источников Срезн. данное сокращение отсутствует) и его фонетическая модификация *шабѣрь*, зафиксированная только в Новгородской судной грамоте 1471 г.: А кто съ кѣмъ ростяжется о землѣ, а почнетъ просить сроку на управы или на шабѣры, ино ему дать одинъ срокъ: на сто верстѣ три недѣли. Новг. судн. гр. 1471 г. (Срезн., III, 1581).

Сущ. *сѣсѣдѣ* зафиксировано в Сл РЯ XI–XVII и иллюстрировано многочисленными примерами из светских памятников, но наличие его в Библ. Генн. 1499 (Псал. XXX, 12) и общеславянское распространение (Фасм., III, 726) свидетельствует в пользу его нейтральности.

Употребительный синоним *сѣсѣдѣ* также был нейтральным: в Срезн. (III, 629) он зафиксирован в книжных (ср. стсл. *сѣсѣдѣ*) памятниках, летописях и грамотах, женский коррелят *сѣсѣда* (Срезн., III, 628) – только в книжных.

В книжных памятниках XI–XIV вв. употреблялись и другие малочастотные, а возможно, окказиональные названия рядом или совместно живущих людей: *иносельникъ* (1), *сѣдомъникъ*, *сѣжитель*, *сѣжитель*, *сѣжитьникъ*, *сѣклѣтьникъ*, *сѣклѣтьникъ*, *сѣмежьникъ* (*сѣмеждѣникъ*), *сѣмѣсьникъ*, *сѣхрамѣникъ*.

Из названных выше четырех “общих обозначений” лиц данного подмножества наиболее вероятна принадлежность к пласту разговор-

ных слов сущ. *жильць*. В СДРЯ XI–XIV оно отсутствует, но с XV в. фиксируется (по данным Сл РЯ XI–XVII, 5, 110) в многочисленных деловых документах, поздних летописях и в сочинении Г. Котошихина *О России в царствование Алексея Михайловича*.

Менее вероятна принадлежность к данному пласту слова *житель* (23). По имеющимся в нашем распоряжении данным (Улуханов, в печати), лишь единичные слова с суффиксом *-тель* (например, *волостель*) относились к разговорной лексике. Стилистическая нейтрализация, или вхождение в разговорную лексику слов с этим суффиксом, началась, по-видимому, не ранее XVI в., а особенно интенсивно – в XVII в. История слова *житель* (23) полностью отражает сказанное: в СДРЯ XI–XIV оно представлено цитатами исключительно из книжных памятников, а также из книжного места летописи: *взоренъ бываеъ во вратѣхъ мужъ ея <доброй жены> внегда аще съидеть на сонмищи. съ старци и съ жители земли*. ЛЛ 1377, 26 (980); а в Сл РЯ XI–XVII имеется цитата с этим словом из делового памятника XVII в.: *Иркуцкие жители словесно въ разговорѣ. говорили* (ДАИ, X, 327, 1684 г.).

Другое “общее” слово на *-тель* – *обыватель* фиксируется в Сл РЯ XI–XVII с XVII в. в светских памятниках, например: *Се аз, Яковъ Петровъ мещанѣн и обывател<ь> Погарский, ведомо чиню сею моею купъчою, же яз продал своего коня*. Калуж. а., 49, 1671 г.

С XV века в светских и книжных памятниках встречается *сельникъ* в знач. ‘житель’ (Сл РЯ XI–XVII, 24, 49).

2.1.2.2. В языке повседневного общения этой эпохи достаточно широко были представлены слова конкретного значения, относящиеся к территориальному множеству. Большая часть разговорных слов языка XI–XIV вв., принадлежащих к данному подмножеству, означает жителей (постоянных или непостоянных; ср. РСС, I, 70–72) какого-либо места, начиная с самой земли; ср. *землянинъ* в знач. ‘житель земли, страны, государства’: *Коли все земляне имуть давати дань у татары* (Жал. гр. кн. Александра) Др. пам.¹, 265, 1375 г. (слово имеет также значение ‘человек, имеющий земельный надел, угодье’; СДРЯ XI–XIV, III, 376); ср. также более позднее разговорное *землянецъ* ‘уроженец, житель какой-л. местности’ (Сл РЯ XI–XVII, 5, 377). Таким образом, в этом подмножестве преобладали мотивированные слова: название места жительства является мотивирующим, а в качестве формантов используются суффиксы *-анинъ, -никъ, -чъ, -ичъ, -ьць*.

Основная масса слов этой группы мотивирована существительными *городъ, мѣсто*, названиями частей городов (*коньць, городище, ѿлица*) и конкретных древнерусских городов.

Сущ. *горожанинъ* (42) ‘житель города’, представленное в летописях, грамотах и в единичных книжных памятниках, употреблялось для называния рядовых жителей, не относящихся к светской и духовной элите, например: Сло(в) иза~~а~~сла(в) кн~~а~~(з) полоцько(г). къ еп(с)пу и к мѣстерю и къ всемъ вельневице(м) и ратьмано(м) всемъ горожано(м). Гр. 1265 сп. н. XV (полоцк.). Более частотное *гражанинъ* (99) ‘1. Горожанин, житель города; 2. Житель какой-л. области, страны’ представлено преимущественно в книжных памятниках, а редкое для XI–XIV вв. *гражданинъ* (3) ‘житель какой-л. области, страны’ – только в Изб. 1076 и Гр. Наз. XI в.

От сущ. *мѣсто* в значении ‘город, селение’ образованы дериваты с помощью суффиксов *-ичь* и *-никъ*. *Мѣстичь* (7), толкуемое в СДРЯ XI–XIV как ‘житель населенного пункта, города’, позднее, по-видимому, чаще всего использовалось в более узком локализованном значении ‘горожанин, представитель торгово-ремесленного населения в западнорусских городах (местах) и городах Польского королевства и Великого княжества Литовского’ (таково толкование слова в Сл РЯ XI–XVII, 9, 119). Слово зафиксировано в СДРЯ XI–XIV пять раз в южнорусских грамотах XIII века, например: коупилъ панъ ганько сварць мѣстичь лвовский старший. в олешка оу. оу. [так!] малечковича. дѣдичьство на щирку. Гр. 1368 (ю.-р.) и дважды – в ЛИ ок. 1425 г.; в Сл РЯ XI–XVII – более поздние примеры (XV–XVI вв.), соответствующие приведенному выше толкованию, данному в этом словаре.

Слово *мѣстникъ* (3) в значении ‘житель населенного пункта, города’ (СДРЯ XI–XIV, V, 110) в языке повседневного общения, возможно, было окказионализмом (оно отмечено в этом значении только в СДРЯ XI–XIV в единственном тексте: но и гостѣ погубѣша чел~~а~~динъ. и жалую(т). да ищють и ѡбрѣтаемое да имуть е. аще ли кто искушени~~а~~ сего не дасть створити. мѣстникъ да погуби(т) правду свою. ЛИ ок. 1425, 14об. (912)). В книжном же языке (ср. контексты из КЕ XII – в СДРЯ XI–XIV, 5, 14 и из ВМЧ. Сент. 14–24, XVI в. – в Сл РЯ XI–XVII, 9, 111) оно (вероятно, тоже редко или окказионально) употреблялось для перевода греч. *τολότης*, будучи затем вытеснено словом *намѣстникъ*.

Сущ. *мѣщанинъ* в языке XI–XIV вв., видимо, отсутствовало: его нет в СДРЯ XI–XIV, а в Сл РЯ XI–XVII (9, 143, 144) оно представлено текстами не ранее конца XV в. в значениях: ‘1. В средневековом русском городе житель посада, слободы ... 2. В западнорусских, западнславянских, литовских городах (называвшихся *мѣсто*) горо-

жанин вообще, представитель торгово-ремесленной части населения города’.

Названия жителей какой-либо части города мотивированы названием этой части.

Сущ. *городищанинъ* (4) ‘житель Городища’ представлено в летописи и грамотах, например: а новгородьць. тоу оуби(т). // ·Г· моужь ... федора оума. кѣжь дѣцкой. дрѹгое городищанинъ. и инѣхъ ·Г· моужи. ЛН ок. 1330, 118об.–119 (1234).

Сущ. *конъчанинъ* (1) ‘житель какой-л. части города, конца’ зафиксировано только в Новгородской первой летописи: и оубиша мою(ж) проу(с) а концѣнъ други. ЛН XIII₂, 90об. (1218).

Сущ. *уличанинъ* ‘житель улицы по отношению к делению города (в Великом Новгороде)’ (Срезн., III, 1195, 1196) зафиксировано только в нескольких светских памятниках, например: Посадникъ ... съ своею. братьею и с уличаны поставиша церковь ... камену на Чюдѣнцевѣ улицѣ. Новг. I л. 6900 г. (по Арх. сп.).

Древнерусским разговорным *слобода*, употреблявшимся для названия поселков, пригородов, частей города или села (см. Сл РЯ XI–XVII, 25, 91, 92), мотивированы разговорные существительные со значением ‘житель слободы’, зафиксированные в Сл РЯ XI–XVII только в деловых памятниках: *слободичъ*, *слободчанинъ*, *слободчикъ* (*слободчикъ*), *слобожанинъ*, *слобоженинъ*.

Нарицательное сущ. *ѹкраина* зафиксировано в Срезн. (III, 1184) в значениях ‘пограничная местность’ (только в летописях), ‘чужие края, чужеземная страна’, ‘кусочек земли, участок’ (оба – в книжных памятниках). Производные *ѹкраинѣнинъ* (избѣгли бо сѧ бѣхоуть в городъ и зане вѣсть бѣхоуть подали имъ Лѧхове Оукраинѣнѣ. ЛИ ок. 1425, 288 (1266) и более позднее (зафиксировано в XVI в. – Срезн., III, 1185) *ѹкраиньникъ* означали ‘житель пограничной местности’ и принадлежали языку повседневного общения. В Срезн. (III, 1184) зафиксировано в книжном памятнике *ѹкраиникъ* ‘живущий в пределах какой-либо местности’.

К словам повседневного общения относились, несомненно, названия жителей конкретных древнерусских и близлежащих городов, отсутствующие в исторических словарях русского языка как образования от имен собственных, например: а на ѿрослалихъ любѣвницехъ поимаша новгородци коунъ много. и на городищанохъ. ЛН XIII₂, 108 (1229), а чего будетъ искати мнѣ. и моимъ боѡромъ. и моимъ слугамъ. у новѣгородьцевъ. и у новоторѣжьцевъ. и у волочанъ. Гр 1296 (новг.); совокупившесѧ Тѣѣричи. Москвичи. Волочане. Новоторѣжци. Зубчане. Рожевичи. и шедше биша Литву. ЛЛ 1377, 170об.

(1285); *плъсковѣци* же оступивше изборьскъ измаша и кѣнаѣза и нѣмцинь оубиша данѣлу. а ини побѣгоша. ЛН XIII₂, 116об. (1233); а тако (ж) оу ризѣ. к *полочѣно(м)* целовати крестъ. нѣмце(м) добры(м) людемъ. на то(м) што *полочѣно(м)* чини(т) все су правду и оу вѣсѣ(х) и оу торговли. и во всемъ торогово(м) деле. Гр 1399 (2, з.-р.); и прислаша нѣмци послы своя. *рижане. вельѣжане. юрьевци* I изъ инѣхъ городов. ЛН ок. 1330, 143об. (1268); а моимъ. ѣздити. в ригу. а мѣстерю. и ратманомъ. блюсти. мое(г) *смолиѣни(н)*. как свое(г). немчина. Гр до 1359 (смол.) и др.

Одно из общих названий сельского жителя – *сельчанинъ* было, очевидно, принадлежностью только языка повседневного общения и прежде всего – его деловой разновидности: в Срезн. (III, 331) и Сл РЯ XI–XVII (24, 51) оно представлено цитатами только из деловых памятников, например: А въ городъ послати ми своихъ намѣстниковъ, а тебѣ своего намѣстника, инѣ очистятъ и холоповъ и сельчанъ по отца моего животѣ по князя по великого. Дог. гр. в. к. Дм. Ив. 1389 г.

Селѣнинъ также имело значение ‘сельский житель’: Аже будетъ боляринъ великихъ боляръ или меншихъ боляръ, или людинъ городскихъ, или селянинъ, то по его пути платити бесчестие. Правда Рус. (пр.), 231 XV в.~XII в. В Срезн. (III, 331, 332) выделено значение ‘невежда, деревенщина’ (например, в контексте: Селянинъ сы и невѣжа. Жит. Сим. Ст. XIII в.). Сл РЯ XI–XVII (24, 51) в аналогичных контекстах (например: ... быхъ селянинъ и невѣжа слову. Ж. Стеф. Махр., 447об., XVII в.–XVI в.) усматривает значение ‘сельский житель’. Видимо, трудно говорить о развившемся новом значении ‘невежда’ у слова *селѣнинъ*, можно обратить внимание лишь на сближение этих понятий, отразившееся во многих приведенных в словарях контекстах.

Сущ. *смърдъ* в Сл РЯ XI–XVII (25, 158) представлено в двух значениях: ‘1. Сельский житель, принадлежащий к непривилегированному, податному сословию; селянин, простолюдин’ – как в церковных, так и в светских памятниках (жизнобуде погублене оу сычевѣи новѣгородьске смърде а за ним[и и] за[а]дѣниѣ. ГрБ 607/562; XI/XII; ‘2. Простой, грубый, неотесанный человек Smorth – Eln Plunnpf Man. Сл. Шrove, 142, XVI в.–XV в.’; ср. позднее *деревенщина*).

В деловой речи житель деревни мог называться и существительным *деревеньщикъ*, зафиксированным в XVI веке.

Производящее *деревньѣ*, судя по многочисленным фиксациям только в деловых памятниках и летописях (см. Срезн., I, 653, 645;

СДРЯ XI–XIV, II, 454), было, несомненно, принадлежностью только древнерусского языка повседневного общения.

Скорее всего, к разговорным словам принадлежало сущ. *печерникъ* (19), хотя почти все его употребления, представленные в СДРЯ XI–XIV, относятся к церковно-книжному памятнику – Киево-Печерскому патерику, например: В то времяа прииде василии ѿ посланиа игоуменаа. иже преже спсыи печерника ѿ помышленияа зла. иде в печероу хотаа видѣти в неи живоуща(г). ПКП 1406. В пользу разговорности слова говорит не только русское *ч*, но и его древнейшая фиксация в Надп. XI–XII (5): <пе>черн<и>к<ъ> федоръ калѣ<ка>. В отличие от рассмотренных выше слов, означающих жителя, в семантику сущ. *печерникъ* входит дополнительный компонент – ‘отшельник’, характеризующий образ жизни.

Постоянные жители какого-л. места назывались разговорными сущ. *старожильць* (Срезн., III, 496, где приведено 5 цитат только из грамот, например: Не велѣлъ есмѣ ездити ловцомъ з Городка на озеро, опрочъ старожильцовъ. которые живутъ около озера. Жал. гр. кн. Андр. п. 1397 г.) и *туземць*, представленное в Срезн. единственным примером из летописи: сказаща же си тжземци. Пов. вр. л. 6496 г. (по Переясл. сп.) (Срезн., III, 1035); ср. нейтральные *тоземць* и *тоземльць*, зафиксированные в книжных памятниках и летописях, и, возможно, окказиональное *тоземьцинь*, зафиксированное только в Ис. Нав. по сп. XV в. (В) (Срезн., III, 972).

К рассматриваемому множеству относятся также разговорные слова, означающие пришельцев, чужестранцев (ср. РСС, I, 70, 71): *заморьць* (2): братьаа заморци приславъ к намъ грамоту. опасную. взалѣ. у насъ. с нашими напечатъми что вамъ ѣздити в великы новъгородъ. Гр 1392 (новг.); *насельникъ* (7) в знач. ‘тот, кто поселился (рядом)’: Словѣньску же языку ... жиоуще [так!] на Дунаи. придоша ... Болгаре <и> сѣдоша по Дунаеви. <и> населници Словѣномъ быша. ЛЛ 1377, 4об.; *находьникъ* (1) ‘пришелец’: и по тѣмъ городомъ суть находн(и)||ци Варѣзи а перьвии насельници в Новѣгородѣ Словѣне. ЛЛ 1377, 7-7об. (862); *зашельць* (1) ‘пришлый человек (?)’: а што моѣ зашелци в торжъку. а то есмы положили в ысправу. Гр 1368–1371 (новг.); *чужеземць* ‘житель чужой земли, иностранец’: зафиксированное только в Русской правде и Судебнике 1497 г., например: Аже кто многымъ долженъ боудеть, а пришедъ гость изъ инога города или чюжеземць, а не вѣдаа запоуститъ за нь товаръ ..., то вести и на торгъ и продати и. Р. Прав. Влад. Мон. (по Син. сп.); ср. синонимичное словосочетание *чужеи земець* в рус-

ском деловом памятнике: А которой чюжеи земець на чюжеи земли иметь искать бою и грабежѸ. Псков. судн. гр. 25.

Совершенно не употреблялись в книжных памятниках сущ. *нѣмъчиць* (66), *нѣмъчинъ* (28) и *нѣмъци* (138 – во всех цитатах в СДРЯ XI–XIV только в форме мн. числа), означавшие чужестранцев, преимущественно германского происхождения, например: а мѣста на корабли вольнаѧ, како немѣчичю тако и смолнѧниноу. Гр сер. XIII (смол.). Единственное зафиксированное в СДРЯ XI–XIV употребление слова *нѣмъци* в книжном памятнике является и единственным его употреблением в СДРЯ XI–XIV не в указанном выше значении, а в его исконном значении ‘наименование людей, говорящих на непонятном языке’: Агисилаосъ ре(ч) Нѣкто, перескокъ прииде къ немоу из нѣмець а властителемъ велѧщемъ емоу пороучити вои свок. и ре(ч) не по(д)баеть пороучити чюжихъ побѣгшемѸ ѿ своихъ. Пч н. XV (1), 24 (речь идет о неприятеле). Это значение соотносительно с прил. **нѣтъ*, от которого (по мнению М. Фасмера, в праславянском языке; см. Фасм., III, 62) было образовано **нѣтъсь*.

Некоторые разговорные названия жителей, зафиксированные в XV–XVII вв., могли употребляться и ранее: *бѣжанинъ* ‘беженец’, *выходецъ*, *инокнѧжець* ‘человек, переселившийся из другого княжества’, *инокнѧжець* ‘то же’, *инородецъ* ‘инородец’ (о нерусских, об иностранцах в Русском государстве), *станичникъ* ‘житель станицы’.

К числу нейтральных слов национально-территориального подмножества, указывающих на место жительства (исконное/неисконное), относятся: *иноплеменьникъ* (171), *иноземьць* (3), *иноѧзычьникъ* (24) ‘иноземец, чужестранник’, *пришьльць* и приведенные выше *тоземьць* и *тоземльць*, к числу книжных – *ѧдиноколѣньникъ* (1) ‘единоплеменник, соплеменник’, *ѧдиноплеменьникъ* (2) ‘то же’, *ѧдиноплеменьнии* (2) ‘то же’ (прил. в роли существительного), *островъници* (2) ‘островитяне’; употреблено в качестве названия народа в *Хронике Георгия Амартола*: Законъ (ж) и оу Вактірианъ, глѣмии Врахмане и Ѡстровници, иже ... ма(с) не ѧдоуще ни вина пьюще ни блоуда творѧще (παρὰ Νησιώταις) ГА XIV₁, 32а и в цитате из этой хроники в летописи (ЛЛ 1377, 5об.), *скитѧнинъ*, *поселянинъ*, *посельникъ*, *чуждии* в знач. ‘чужеземец’ – прил. в роли существительного и др.

Как видим, среди названий лиц “по отношению к расе, национальности, а также территории, к месту жительства, по местонахождению” достаточно много слов, относящихся только к языку повседневного общения. Чаще всего это слова, мотивированные древнерусскими словами (*городъ*, *печера*, *деревнѧ*, названия древнерусских городов).

2.2. Второе (характерологическое) из названных в разделе 0 подмножеств разговорными словами в письменности XI–XIV вв. представлено довольно ограниченно. Многочисленные слова этой семантики принадлежат к числу нейтральных и книжных.

2.2.1. Второе подмножество открывается в РСС (I, 73) “общими обозначениями” лиц “по интеллектуально-эмоциональному отношению к кому-чему-н., по восприятию кого-чего-н.”. Разговорных слов с таким общим значением в древнерусскую эпоху, видимо, почти не было – в силу тех же причин, о которых шла речь при рассмотрении “общих обозначений” – названий лиц (см. п. 1.). Единственным древнерусским разговорным средством передачи этого общего значения в нашем материале являются прилагательное *охотивъ* ‘охотно делающий что-л., склонный к чему-л.’, его фонетический вариант *охвотивъ*, употребляющиеся в составе именного сказуемого. Они зафиксированы в СДРЯ XI–XIV (каждое по одному разу) только в летописях: на мл(с)тью зѣло *охвотивъ*. ЛЛ 1377, 124 (1175); *Вѣчеславъ* же ре(ч) брате и сну *ѿ* рожения мое(г) не *охвотивъ* (в др. сп. *охотивъ*) есмь былъ на кровопролитъе. но сего ма довелъ братъ мои. ЛЛ ок. 1425, 158 (1151). Судя по Сл РЯ XI–XVII, это прилагательное фиксируется (в светских памятниках) до XVI в. Затем оно, по-видимому, было заменено более употребительным (см. Сл РЯ XI–XVII, 14, 86) прилагательным *охочи*. С XVI в. и только в светских памятниках фиксируется *охотникъ* (*охвотникъ*) в значении ‘охотник, тот, кто добровольно берется за какое-л. дело’. Возможно, это слово в разговорной речи существовало и в более раннюю эпоху.

2.2.2. Вслед за общими обозначениями лиц характерологического подмножества в РСС (I, 75) рассматриваются названия лиц, характеризующихся отношением к религии или ее различным направлениям. В работе Улуханов, Солдатенкова (2002, 36, 37) приводились примеры “церковно-разговорных русизмов”, т. е. слов церковной тематики, свойственных только языку повседневного общения. Приводимые ниже названия лиц дополняют эту группу.

Среди “общих обозначений” лиц, имеющих отношение к вере, религии (см. РСС, I, 75), к числу разговорных в рассматриваемый период относились, по-видимому, *безбожьникъ*, *набожьнѣка* и *мъздыдавыць*.

Единственное зафиксированное (в СДРЯ XI–XIV и Сл РЯ XI–XVII) в древнерусский период употребление слова *безбожьникъ* (1) относится к летописному рассказу: тогда же ганѣ||шасѣ оканнии безбожници. *ѿ*(т) торжоу серегѣрьскимъ поутемь. оли и до игнача кр(с)та. а все лю(д) сѣкуще акы траву. за ѣрѣ верстѣ до новагорода.

ЛН ок. 1330, 124об.–125 (1238). В Сл РЯ XI–XVII приведена еще одна фиксация этого слова – из светского памятника *Новой повести о преславном Российском царстве и великом государстве Московском* (сп. XVII в.): Да и самого того короля [польского], лютаго врага сопостата нашего, и его способниковъ, такихъ же безбожниковъ, яко же онъ. Новая пов. 189, XVII в. Слово *безбожьникъ* ни разу не зафиксировано ни в одном книжном памятнике, и этим оно резко выделяется как на фоне однокоренных слов с приставкой *без-* (*безбожиѣ* (23), *безбожьно* (4), *безбожьскы* (5), *безбожьствиѣ* (3), *безбожьство* (4), *безбожьствынь* (2) – все только в книжных памятниках и *безбожьныи* (121) – в книжных памятниках и летописях), так и от слов, включающих префикс *без-* и суффикс *-никъ*: *безблагодатьникъ* (1), *безгодословьникъ* (1), *безградьникъ* (2), *беззаконникъ* (1), *безимѣньникъ* (1), *безмольбьникъ* (1), *безмѣльвникъ* (10), *безпечальникъ* (1), *безприобыцьникъ* (1) и др. – все только в книжных памятниках; *беззаконьникъ* (47), *безмъздьникъ* (20) – в книжных памятниках и летописях. Возможно, неупотребительность (или небольшая употребительность) слова *безбожьникъ* в книжных памятниках связана с тем, что значение ‘безбожник, иноверец’ регулярно передавалось многими другими словами, из которых весьма употребительными в разных жанрах были сущ. *беззаконьникъ* (47), сочетания прилагательных *неверьныи* (227), *поганыи* (234) с существительными или данные прилагательные в позиции существительного.

Сущ. *набожьнка* (1) ‘набожный человек’ представлено в древнерусский период единственной фиксацией – в “Вопросах Кирика Саввы и Ильи с ответами Нифонта”, входящих в состав Новгородской кормчей и богатых русизмами: А то ре(ч) [во время сорокоуста] велми добро аще не своѧ не(д)лѧ боудеть. а друугу [попу] рещи. помѧни онсего. аже бывыи набоженка. КН 1285–1291, 519б. Неупотребительность слова в других (более книжных) церковных памятниках, продуктивность его форманта в разговорной речи и наличие варианта устного происхождения *набыженка* в списке XVI в. (см. Сл РЯ XI–XVII, 10, 20) позволяет считать это слово разговорным.

Разговорным вариантом книжного сложного слова *мъздодавьць* (3) (ср. также книжное *мъздовѣздатель*) (4) является сращение *мъздыдавьць* (1) ‘тот, кто воздает (о Боге)’, отмеченное только в Ипатьевской летописи: ѡба. же вкоупѣ. патрѣкаръшескы троудѣ свѣршаючи. да и вѣнѣць ѿ мздыдавца ѡбщии восприимета. ЛН ок. 1425, 243об. (1199). Сращения со склоняемым компонентом были, по-видимому, более свойственны разговорной речи, чем сложения, содержащие интерфикс.

К описываемым “церковно-русизмам” относится и сложное *короваѣмольць* (1), называвшее так тех, ‘кто совершает один из языческих обрядов’ – почитание каравая. Оно зафиксировано только в церковном тексте – “Слове о лживых учителях” (в Сборнике XIV–XV вв.): Аще ли ти братъ такъ непокоривъ и не послушаетъ трезваго оучениа. Боудеть ли короваемолецъ. или рожаницемолецъ. Или резокмець ... Ти бо жизни вѣчныа не наследать. СбСоф XIV–XV, 111а. На русское происхождение слова *короваѣмольць* указывает использование в качестве производящего полногласного *короваи*, отмеченного в памятниках с XVI в. (Сл РЯ XI–XVII, 7, 333), но, как видим, существовавшего ранее. Русское слово было использовано, несмотря на наличие в книжной речи неполногласного *краваи* (ВМЧ. Дек. XVI в. ~ XIV в. – Сл РЯ XI–XVII, 7, 402): **краваемольць* лексикографически не зафиксировано. Конечно, сущ. *короваѣмольць* вряд ли было употребительно в разговорной речи (как и употребленное с ним в одном ряду *рожаницемолецъ*; ср. там же более употребительное *резок(и)мьць*).

Можно предположить, что одним из церковных русизмов является слово *православньи* в значении существительного: в Сл РЯ XI–XVII субстантиват *православньи* представлен (в отличие от производящего прилагательного) только в русских памятниках, отражающих разговорную речь, например: И вси православньи о господѣ бозѣ нашемъ повиновениемъ должни суть подаяти ему послушание. АИ I, 472, 1382 г.; (1204): И бысть радость велика православным о иконѣ святыхъ богородица. Моск. лет. 104.

2.2.3. В нашем материале имеется еще ряд разговорных названий лиц (XI–XIV вв.), принадлежащих ко второму (характерологическому) подмножеству, но в отличие от рассмотренных в разделе 2.2.2. непосредственно несвязанных с религией.

Сущ. *недоума* (1) (представленное в СДРЯ XI–XIV и Сл РЯ XI–XVII только текстом берестяной грамоты) имело значение ‘тот, кто не думает’: невѣжа писа недума каза а хто се цита ... ГрБ № 46, 10–30 XIV.

Сущ. *невѣголось* (3), означавшее, по СДРЯ XI–XIV, ‘невежественный, необразованный человек’ и ‘нехристианин’, зафиксировано, по данным этого словаря, трижды в древнейших летописях, причем два названных выше значения во всех трех контекстах, по-видимому, совмещаются: се же бѣ невѣголось. а наконецъ ѡбрѣте сп(с)нѣе. ЛЛ 1377, 25об. (980); бѡху бо тогда члѣвци невѣголоси и погани. Там же, 26об. (983); бѡху бо людикъ погани. и невѣголо(с). ЛИ ок. 1425, 12об. (907). В Сл РЯ XI–XVII (11, 28) зафиксировано употребле-

ние этого слова в книжном переводном Богословии Иоанна Дамаскина только в значении 'несведущий в чем-л. человек': Земьному дѣлателю о сѣменьнѣи силѣ съказающею, невѣровати ся лучить невѣголосу земьнаго дѣла (τὸν τῆς γεωργίας ἀλεῖραῖτον). Ио. екз. Бог., 376, XII–XIII вв. В летописях и в ряде книжных памятников представлен неполногласный коррелят *невѣгласъ* и только в Рязанской кормчей 1284 – *вѣгласъ* (слово, отсутствующее в СДРЯ XI–XIV благодаря неправильному словоделению; ср. правильное словоделение: аще бо крѣмчиі вѣгла(с) ксть хитръ ѡбращати корабль во время боу||ри. можетъ сѣсти корабль ѡ(т) погроужения. КР, 1284, 1246–в; см. СДРЯ XI–XIV, IV, 372 и исправление СДРЯ XI–XIV, 5, 638).

Отсутствующее в СДРЯ XI–XIV полногласное *бессеребреникъ* представлено в Сл РЯ XI–XVII (1, 168) единственной цитатой из Служебной минеи за ноябрь (сп. XII в.): Источникъ ищѣлению имуща сѣая бесеребрѣника, ищѣление подаета всѣ(мъ) требующиимъ. Мин. ноябрь, 269, XII–XIII вв. Это один из многочисленных примеров проникновения разговорных слов в книжные памятники, где представлен неполногласный коррелят *бессеребрѣникъ*.

Естественно, что описанными словами круг разговорных существительных характерологического подмножества не исчерпывался. В более поздних русских памятниках, язык которых близок разговорной речи, впервые зафиксированы другие слова данного подмножества, которые могли существовать и до XV века. Рассмотрим эти слова.

Одним из немногих слов с суф. *-тель*, которые отмечены преимущественно в светских памятниках, является сущ. *искатель* '1. тот, кто ищет что-л., жаждет чего-л.; 2. ищущий вину, обвинитель'. В СДРЯ XI–XIV оно отсутствует, а в Сл РЯ XI–XVII представлено в первом из названных значений только цитатами из светских памятников, начиная с XVI в.: (1558) Да отпустилъ съ Непеею мастеровъ многихъ докторовъ и злату и серебру искателей и дѣлатарей. Ник. лет. XIII, 286. Во втором значении слово отмечено в книжном памятнике XIV в.: Поимевѣ искатель ею (accusatorem). Прох. Жит. Ио. Бог. VII. Возможно, что и в первом значении *искатель* употреблялось в более раннюю эпоху.

Более раннее употребление возможно и для слова *перелестникъ* 'обманщик, мошенник', которое может быть результатом замены приставки в более употребительном книжном *прелестникъ* (ср. *пресбродитисѧ* < *перебродитисѧ*, *превабити* < *перевабити*, см. Улуханов 1969, 116, 121). *Прелестникъ* фиксируется в сочинении начала XVII в.: Перелистик, Perelestnik, Vorreder. Псков. разгов. I, 42; II, 27, 1607 г.

Зафиксированные только в старорусских памятниках, близких к разговорной речи, названия глупца (*глупецъ*, *дура*, *дуракъ*, *олухъ*, *остолопъ* и др.) могли, по всей вероятности, существовать в древнерусской разговорной речи.

Сущ. *глупецъ* впервые зафиксировано лишь в XVI веке в “церковно-бытовом” “Рассуждении инока князя Вассияна [Патрикеева] о неприличии монастырям владеть отчинами”: Мнози ... сыщутся и начнут быти въ крылосѣхъ, по ихъ разуму, гораздые пѣвцы ... На таковыхъ бы глупцовъ былъ извѣтъ, аки волы ревутъ другъ предъ другомъ. Беседа Вал.², 15, XVI в. и позднее – в *Книге обличений* Аввакума (XVII в.): Слушай гораздо, глупецъ. Ав. Кн. обл., 624, 1679 г.

В русских памятниках XVII века впервые зафиксированы сущ. *дура* (Рече господь: что се сотворилъ еси? Онъ же отвѣща: жена, еже ми сотворилъ еси. Просто молить: на што-де мнѣ дуру такую здѣлалъ. Ав. Сотв. мира, 671, 1672 г.) и *дуракъ* (А хто глупъ и грубъ, и крадлив и ленив, и ни во что не пригодитца, ни наказ<а>ние неимет, ино накормив да з двора спуститъ<ь>, и иные на такова дурака глядя не испортятъс<я>. Дм., 1346, XVI в.). Судя по развитой системе значений слова *дуракъ* (кроме значения ‘глупый человек’ оно имело значение ‘слабоумный, помешанный’, употреблялось для обозначения придворного и домашнего шута, и уже существовал фразеологизм *быть въ дуракахъ*), а также по большому количеству однокоренных слов (*дуравка*, *дурачество*, *дурачивати*, *дурачище*, *дурачокъ*, *дурень*, *дурѣти* и др.), слово *дуракъ* и женский коррелят *дура* уже имели к XVII веку достаточно длительную традицию употребления.

С XVI в. зафиксировано сущ. *олухъ*. В Сл РЯ XI–XVII представлены употребления только в составе личного имени: Человѣкъ ... Олухъ именемъ. Зин. Отен. Сл. ч. Ионы Новг., 378, XVI–XVII вв.~XVI в. Слово возникло в разговорной речи: производящее *волухъ* (Фасм., III, 136) ‘волобий пастух’ (<волъ) фиксируется с XVI в. (Сл РЯ XI–XVII, 3, 13).

В разговорной речи и также путем фонетических преобразований возникло *остолопъ* (<столп, столб; Фасм., III, 165), зафиксированное тоже только в составе имени собственного: Остолоп глаголет: Спаси, боже. Празник каб., 67, XVII в.

Антонимичное значение выражалось зафиксированным в светских памятниках сущ. *искусникъ* ‘тот, кто искусно, мастерски делает что-л.’ (Искусники врачеве ... глаголютъ. Травник Любч., 303, XVII в.~1534 г.), *знатецъ* (Писалъ князь Курлянский о 2 мастерахъ – одинъ мѣдной плавилщикъ, а другой рудной знатецъ, просятъ по 12 рублевъ на мѣсяцъ каждой. Док. моск. театра, 3, 1672 г. ср. позднее

рудознатец) и *знатокъ* (А что ты, блгдатель мой про бѣглых нашихъ крѣстьян писал, чтоб прислать знат<о>ка и будет по зимнему пути крѣстьяня твои к тебѣ поѣдут. Грамотки, 24, 1662 г.).

В светских памятниках XV–XVII вв. зафиксировано еще несколько названий лиц второго множества, существование которых не исключено в более раннюю эпоху: *простакъ* ‘необразованный человек, простолюдин’: Иже удари его патриаршу слугу и отъ царския трапезы изгна, яко простока суца весьма. ПСЗ I, 654, 1666 г., *озорникъ* ‘злостный нарушитель порядка, озорник’: А таковых, государь, озорников в Павловском никто не запомнит: приставов бранят матерны и обухами бить хотят и не слушают. Хоз. Мор. I, 69, 1652 г.; *попрошай* (*попрашай*) ‘тот, кто просит, собирает подавание, нищий’: И въ тѣ деи ихъ деревни изъ моихъ волостей ѣздятъ попрашай жита просити. Арх. Стр. I, 35, 1475 г.; *попрошайка* ‘то же’: А ночевал у нас попрошайка Вырозерской волости Пантелей Сидоров. Олон. а., карт. VI, сст. 28, 1662 г.; *попрошатай* (*попрашатай*): А попрошатаем у них в волости просити не ѣздити. (Уст. гр. в кн. Вас. Ив.) АРГ, 27, 1506; *крохоборъ* ‘скупец, собирающий всякую мелочь, побирушка, нищий’: Софронко Гришке говорил: нѣтъ де ты торговои, а досел<ь> де ты крохобор был. Якут. а., карт. 4, № 23, 23, 1642; *бездѣльникъ* ‘бездельник, плут, мошенник’: А игумена б Пимена братия слушали и повиновалися б игумену во всемъ, а бездѣльников и непослушников и ропотников смирял бы игумен з братьею. А. Пыскор. м., № 338, 190б., XVII в. ~1589 г.; *непослушникъ* ‘тот, кто не подчиняется, проявляет непокорство’ (см. *бездѣльникъ*); *ропотникъ* ‘тот, кто ропщет’ (см. *бездѣльникъ*); *блядь*, *блядка* ‘распутная женщина’: (1475) А все черные люди, а все злодѣи, а женки все бляди, да вѣдмы, да тать, да ложь, да зелие, осподаревъ морятъ зелиемъ. Львов. лет., I, 305 и др.

Несмотря на продуктивность сложных и сложно-суффиксальных образований с *благо-* и *добро-* в книжных памятниках XI–XIV вв., довольно поздно зафиксированы *благожелатель* и *доброжелатель*, причем последнее – в светской “периодике” (грамотках): Подаи бгъ тебѣ многолѣтное здорове на веки, со всѣми твоими доброжелатели. Грамотки, 16, XVII–XVIII вв., а первое – в конце XVIII в. – в ЛВ¹, см. Сл XVIII, 2, 39. Возможно, что фиксации в данном случае существенно отстали от времени появления слов.

К числу нейтральных слов XI–XIV вв. данного подмножества относятся, например, *крыценьи* (94), *кѣнижьникъ* (73), *вѣрьнии* (702), *лѣнивьи* (110) в роли сущ., *милостивыць* (5), *невежа* (44) (ср. книжное *невежда* (1)), *крѣстианинъ* (400) в значении ‘последователь хри-

стианского учения' (в языке повседневного общения – 'крестьянин'); *крѣстиѣнъ* (82) 'то же', *лѣжъ* (4) 'лжец', *чѣдотворьць* и др.

Характерологическое подмножество, как и следовало предполагать, обильно представлено словами, зафиксированными в XI–XIV вв. только в книжных памятниках. Таковы, например, *проповѣдьникъ*, *поклонитель*, *поклонятель*, *изоувѣръ* (3), *вѣролюбыць* (1), *правьдьникъ*, *църкъвьникъ*, *кретикъ* (415), *язычьникъ*, *жидовьствоующи* (ср. *жидовьствовати* – 5), *доухоборьць* (25), *киникъ* (3), *лѣжепризъваникъ* (1) 'тот, кто привержен ко лжи', *лѣжеславьникъ* (1) 'тот, кто рассказывает ложь, небылицы', *лѣжесловьць* (5) 'лгун, обманщик', *маловѣръ* (1), *завистьникъ* (8), *моужелюбыць* (1) 'человеколюбец' (в "Житии Александра Невского", см. ЛЛ 1377, 168 (1263) и Ж. Ал. Нев. (Мал.), 189, XVI в.~XIII в.), *блоудьникъ* (94), *блоудьница* (131) (один из редких случаев большей частотности женского коррелята по сравнению с мужским), *моужелюбица* (1), *моужелюбница*, *милостилюбыць* (1) – также в "Житии Александра Невского", *вѣжа* (7), *невѣжьныи* (8) (в роли сущ.), *невѣжьствьныи* (4) (в роли сущ.), *ненавистьникъ*, *человѣконенавидьць*, *человѣконенавистьць*, *кѣниголюбыць* (4), *подражателъ*, *чародѣи*, *чѣдотворьць*, *миръникъ* (7) в знач. 'мирный, миролюбивый человек', *мирьць* (1) 'то же', *моудрьць*, *провидецъ*, *прозорливецъ*, *прелестьникъ*, *шьпѣтникъ* 'наушник, сплетник', *кощоуьникъ* (4) 'болтун', *неумѣтель* (8), *недооумѣтель* (1), *неученьи* (7) (в роли сущ.), *грамотьникъ* (2), *ноужьникъ* (16) 'тот, кто с усилием и постоянными трудами достигает чего-л.; подвижник', *бессребрьникъ* (1) (ср. выше *бессеребрьникъ*), *сребролюбыць*, *сѣмиритель*, *послоушьникъ*, *затворьникъ* (24), *отѣшьльникъ* (2), *ошьльникъ* (23), *ошельць* (7), *лицедѣи*, *лицемѣръ* (46), *трѣтьнь*, *тѣнегидьць*, *чѣдодѣиць*, *чѣдьникъ* 'чудный, удивительный человек', *ѣродъ*, *юродъ* 'глупец, безумец' и др.

3. Описав в предшествующих разделах состав национально-территориального и характерологического подмножеств, рассмотрим (по необходимости кратко и обобщенно) те слова, которым свойственна многозначность. Поскольку наличие двух или более значений чаще всего предполагает принадлежность слов к двум или более подмножествам, то изучение полисемии слов (а также связанных с ней контекстных явлений) означает изучение связей между подмножествами, а в историческом плане – эволюцию этих связей. И связи и их эволюция могут быть весьма различны для разных подмножеств.

3.1. Рассмотренные в данной статье два подмножества, насколько можно судить по изученному материалу, семантически в древнерусском языке между собой были связаны довольно слабо: слов, у ко-

торых место жительства было бы связано семантически с характерологическими особенностями лица, в древнейших текстах было мало.

Рассмотрим эти связи; они имеют место и у разговорных слов.

В разделе 2.1.2.2. уже шла речь о сближении понятий “сельский житель” (первое подмножество) и “невежда” (второе подмножество). Это сближение, соответствующее точке зрения городских слоев, отразилось в контекстах употребления и лексикографической фиксации разговорных слов *селанинъ* и *смърдь* (ср. также позднее *деревенщина* и фиксируемое не всеми словарями *деревня* в том же значении: Эх ты, деревня! (Ушаков 1935–1940, I, 691)). В связи с этой семантической связью можно напомнить отмеченное Т. Н. Кандауровой, видимо, не случайное различие в речи горожанина и селянина: назидание и боси ноги имущи сбодены терне(ѣ) со слезами ѿвѣщеваху другъ къ другу гл҃юще. азъ бѣхъ сего города. и другі а ѿзъ сего вси. ЛЛ 1377, 75 (1093), где “азъ – форма книжная, в речи горожанина, ѿзъ – народная, восточнославянская, в речи негорожанина” (Кандаурова 1968, 76).

Место жительства, образ жизни, деятельности и связанная с ними оценка личности сочетаются в семантике рассмотренного в разделе 2.1.2.2. разговорного слова *печерникъ* и (судя по фиксациям в Срезн.) нейтрального *стѣльникъ* “отшельник, совершающий молитвы, стоя на небольшом столпе (или на открытой площадке, укрепленной на столбе, столбах), либо затворясь в тесной башенной келье” (РСС, I, 203): И ту же близъ есть столпникъ, мужъ дивенъ и устрашенъ видомъ и старъ деньми. Дан. иг. (Нор. 48).

Название места жизни и/или занятий является мотивирующим для данных слов, но совмещение семантических компонентов места пребывания (деятельности) и характеристики можно усматривать и у других слов того же лексико-семантического ряда: нейтральных *инокъ* (27), *мнихъ* (917), книжных *отшельникъ* (2), *ошельникъ* (23), *затворникъ* (24), *тѣмничникъ* ‘заключенный, узник’ (Срезн., III, 1084). Семантические компоненты места и характеристики для древнего периода функционирования этих слов следует рассматривать как компоненты одного значения, и лишь позднее у части этих слов развились переносные светские значения: *монах* ‘мужчина, ведущий строгий, суровый образ жизни’, *затворник*, *отшельник* – оба в знач. ‘человек, чуждающийся других, живущий уединенно’ (СДРЯ XI–XIV, Сл РЯ XI–XVII и Срезн. этих значений не фиксируют).

Обратное отношение: характеристика (в данном случае речи), перенесенная на жителей определенной территории, – явление еще

более редкое; оно имеет место у разговорных *нѣмьчиць*, *нѣмьчинъ*, *нѣмьци* (см. раздел 2.1.2.2.).

3.2. Связи между двумя рассмотренными подмножествами не имеют массового и регулярного характера. Эволюция же регулярной семантической связи между подмножествами может быть продемонстрирована на материале характерологического подмножества названий лиц и лексического класса названий животных.

В РСС в характерологическом подмножестве лиц выступают следующие названия животных в переносном значении (приводятся в той же последовательности, что и в РСС): *динозавр*, *зубр*, *осел*, *ослица* (*ослиха*), *собака* в двух значениях: ‘умелый и ловкий в каком-н. деле человек, мастак’; ‘злой и грубый человек’, *щенок*, *орел*, *зверь* в двух значениях: ‘человек, делающий что-н. рьяно, с азартом’; ‘жестокый, свирепый человек’, *зверек*, *зверенок*, *ишак*, *кобыла*, *кобылка*, *ягненок*, *стрекоза*, *бирюк*, *сыч*, *индюк*, *мартышка*, *обезьяна*, *попугай*, *пустельга*, *ворона*, *клуша*, *медведь*, *поросенок*, *рыба*, *тетеря*, *тюлень*, *байбак*, *трутень*, *кобель*, *кот*, *самец*, *самка*, *гусь*, *жук*, *лис*, *лиса*, *лисица*, *прилипала(о)*, *хамелеон*, *амеба*, *овца*, *слизняк*, *петух*, *аспид*, *гаденыш*, *гадюка*, *ехида*, *ехидина*, *ехидна*, *жаба*, *змееныш*, *змей*, *змеюка*, *змея*, *паук*, *пиявка*, *скорпион*, *гад*, *гадина*, *гнида*, *животное*, *пес*, *свинья*, *скот*, *скотина*, *сука*, *сучка*, *сорока*⁴. Все эти слова находятся по крайней мере в двух разделах РСС – в характерологическом подмножестве и в лексическом классе “названия животных”, т. е. рассматриваются в РСС по крайней мере как двузначные. В такой трактовке переносное значение является самостоятельным, независимым от контекста значением слова; ср.: Он считался *извергом*, *зверем*, где вторичное значение слова *зверь* выполняет ту же функцию, что и первичное значение слова *изверг*⁵.

3.2.1. Сопоставим эти слова с тем, как отражены семантические отношения ‘животное – человек’ в исторических словарях русского языка (СДРЯ XI–XIV, Сл РЯ XI–XVII и Срезн.). Часть современных слов в этих словарях, естественно, отсутствует, но главное различие между подачей этих слов в современных и исторических словарях состоит в том, что переносные значения “лицо, обладающее признаками данного животного” в исторических словарях в качестве отдельного самостоятельного значения или оттенка фиксируются очень редко, причем большая часть этих фиксаций приходится на старорусский период.

К древнерусскому же периоду относится фиксация сущ. *овца* в переносном значении: ‘обычно мн. Духовные чада: паства, прихожане по отношению к духовному наставнику’: Нѣсмь посыланъ, но тъкъмо

къ овцамъ погыбъшиимъ дому ийзлева (Матф. XV, 24). Остр. ев., 115, 1057. Впоследствии это значение устарело и развилось другое переносное значение, не фиксируемое в XI–XVII вв. – ‘бессловесный, чересчур покорный человек’.

Сущ. *скотъ* в одном из своих значений (‘люди, вверенные чьему-л. попечению, заботам’) было близко названному выше значению сущ. *овыца*: Смотрѣнѣ разумѣваи дѣше стада своего и пристави сѣдце свое своихъ стадѣхъ, и упасеть правьдникъ дѣшу скотъ своихъ (Притч. XII, 10: κτηνὸν αὐτοῦ). Панд. Ант.¹, 163, XI в. Позднее оно фиксируется в значении ‘человек, уподобившийся животному своим поведением или состоянием’ (Не лѣнуйтєся брат<и>е о своемъ спѣнии, ни пребывайте скоти. безъ въздержания ядуще и пьюще. Пролог (Срз.), 220об. XV в.) и в качестве бранного слова: Она несть достойна, что познал ю при себе. Неблагодарной скот! Артакс. действо, 149, XVII в.

Еще одной известной нам фиксацией, относящейся к древнерусскому периоду, отражающей скорее характер источников, чем систему языка, является фиксация в Срезн., III, 1013 слова *трутень* только в значении ‘тунеядец’: Укоряете ядущихъ и піющихъ святителейъ и поповъ, рекуще, яко Жидове, Христови трутни, глаголющи. Грам. митр. Ант. 1394 г.; при этом в прямом значении ‘в пчелиной семье: насекомое – самец, выкармливаемый рабочими пчелами, зафиксировано только *труснѣ*: Яко же троутъ троудъ бѣчелинѣ пастъ (ἡ σφήκη τοὺς Πόνους τῶν μελισσῶν ἐσθίει). Панд. Ант. XI в., л. 87.

Сл РЯ XI–XVII в памятниках старорусского периода фиксирует переносные значения (или оттенки) лишь у следующих из перечисленных выше названий животных:

гадъ ‘отвратительный, мерзкий человек’: Есть обрѣтаются нѣкоторыя гады, изъ чрева своего гадятъ по человѣкообразию быти бога. Ав. Кн. бес., 339, 1675;

ехидна (в Сл РЯ XI–XVII дано как оттенок значения названия животного) ‘злой и лукавый, лицемерный человек’: Но убо ехидна сия [Марина Мнишек] аще и не водою, яко же та, но Росия вся, миръ нашъ кровию отъ нея потопленъ бысть, кто не вѣсть? Врем. И. Тим., 371, XVII в.

зверь ‘жестокий, свирепый человек’: Бе бо и сам той литовский король, неистовый зверь и неуголимый аспид, люторския своя веры воин, и рад бе всегда кровопролитию и начинания бранем. Пов. прихож. на Псков.², 128, XVII в. ~1577 г. (у *аспидъ* в Сл РЯ XI–XVII, I, 33 переносного значения не выделено);

собака ‘злой, грубый человек’ (1571): Владыко Леонидъ ... всѣмъ священникомъ, и старостамъ, и десяцкимъ, и пятидесяцкимъ новгородцкимъ велѣлъ ризы с себя снимати, а говорилъ священникомъ: собаки, воры, измѣнники, да и всѣ новгородци с вами! Новг. II лет., 102, XVI в.

скоропей (*скоропея*) ‘злобный, жестокий человек’: И приять по немъ царство Казанское сынъ ево Мамотякъ, отъ скоропея – змеи, ото лва (о сравнении со львом см. п. 3.2.2.2.1.) – лютыи зверь, кровопи<и>ца же. Каз. лет., 20, XVII в.~XVI в.

В единственном случае отмечено обратное отношение между словарями: Сл РЯ XI–XVII фиксирует, в отличие от РСС, переносное значение у сущ. *соловей* ‘искусный певец или слагатель песен’: Умъ бжѣствьный дѣа прѣсто цѣвѣница всесѣвърѣстная, соловий добръѣпѣсньный (ἀηδών). Мин. окт., 82, 1096 г.

Трудно сказать, насколько эти словарные фиксации отражают реальную ситуацию: вполне возможно, что в разговорной речи часть названий животных уже употреблялась в переносном значении “лицо, сходное с данным животным”, но осталась не зафиксированной историческими словарями по крайней мере по двум причинам. Во-первых, эти употребления в силу их экспрессивности редко попадали в средневековую письменность и нашли гораздо более широкое отражение лишь в литературе нового времени (изучение хронологии и деталей этого процесса выходит за рамки данной статьи). Во-вторых, судя как по историческим, так и особенно по современным толковым словарям, отсутствуют четкие критерии выделения переносных значений названий животных и прежде всего отделения употребления названия животного применительно к человеку от значения “человек, обладающий свойствами данного животного”. В данной работе мы условно проводим границу между названными явлениями, руководствуясь наличием или отсутствием в контексте средств, указывающих на сравнение (ср. *зверь* ‘животное’ в контексте *он был зол как зверь* и *зверь* ‘жестокий, свирепый человек’ в приведенном выше контексте *он считался извергом, зверем*). Поскольку в контекстах типа *он – зверь* потенциально может выступать любое существительное, то естественно, для того чтобы приобрести системное (узуальное) значение такие употребления должны быть достаточно частотными, войти в языковую традицию.

Если руководствоваться названными критериями, то можно несколько расширить круг приведенных выше древнерусских и старорусских названий, у которых есть основания усматривать значение

‘человек, обладающий свойствами животного’. Приводимые ниже значения историческими словарями не фиксируются:

осьль – ‘глупый человек’: осель ли еси сопѣльнаго гла(с) слышаа и неразумень пребываа. ЖВИ XIV–XV, 115 г.;

пиявица – ‘жадный, ненасытный человек’: Римляне несѣти сут<ь> Соломонскыа, предавающе живот свои и душу свою на мздѣ. Флавий. Полон. Иерус. I, 108, XVI в.~XI в.;

сука – ‘безнравственный, гадкий человек (чаще – женщина)’: Съ въпросимъ: что ксть жена; и ѿвѣща. домоу пагоуба . . . , ѿбоуимающе львица, оукрашена ехидна, лъстива соука, животина лоукава. ноужнок зло. Пч н. XV (1), 134об.;

агнѧ (ср. *агнец*) – ‘кроткий, добрый человек’: съ || бѣ <епископ> агнѧ а не волкъ не бѣ бо хытаа ѿ(т) чюжи(х) домовъ бѣтства. ЛЛ 1377, 149об.–150 (1216).

В данном разделе (3.2.1.) были рассмотрены употребления в памятниках XI–XVII вв. слов характерологического множества, имеющих переносное значение “человек, обладающий признаками животного”.

3.2.2. Ниже (в разделах 3.2.2.1. и 3.2.2.2.) будут рассмотрены контексты, в которых, в отличие от описанных в разделе 3.2.1., названия животных не приобретают указанного выше значения, но имеет место сравнение данного животного с человеком, выраженное определенными средствами (чаще всего союзом *ако* и т. п.). Эти употребления названий животных можно рассматривать как примыкающие к характерологическому подмножеству средства, указывающие на свойства лица, с которым сопоставляется животное.

Развитие самостоятельных переносных значений у названий животных явилось, надо полагать, результатом многих (но далеко не всех) сопоставительных употреблений лица и животного, которые имели место начиная с самых ранних памятников.

Сравнение лица и животного в контекстах может осуществляться на основе признаков, одни из которых мы назовем узуальными (системными) (рассматриваются ниже, п. 3.2.2.1.), а другие – окказиональными (текстовыми) (п. 3.2.2.2.).

Узуальные сопоставительные признаки животного – это такие признаки, которые закрепились в переносном значении узуального слова со значением ‘лицо, обладающее признаками животного’, например: *зверь* – в значении ‘жестокий, свирепый человек’ имеет в своем значении узуальные признаки (‘жестокость’, ‘свирепость’); на основании этих признаков в контекстах может иметь место сопоставление лица и зверя: ѿнъ же [Батый] ꙗко свѣрпы звѣрь. не пощади оуности его. велѣ предъ собою зарѣзати. ЛИ ок. 1425, 236об. (1237). В этом

контексте *звѣрь* имеет значение ‘животное’ благодаря наличию показателя сравнения (*яко*).

Окказиональные сопоставительные признаки – это признаки, которые отсутствуют в значении названия животного, но на основании этих признаков в контекстах имеет место сравнение названий человека и животного. Так узуально *медведь* в перен. значении (закрепившемся, по-видимому, достаточно поздно) – это ‘неуклюжий, неповоротливый человек’; в XI–XVII вв. зафиксировано лишь сравнение на основе окказиональных признаков – издаваемых звуков (*верескати* ‘громко пронзительно кричать’): и кѣ бесѣдѣ сѣѣ. свѣтлоу быти подобак. не разѣдвоѣнѣмъ гл(с)мъ. ни силно разливаѣ. и ревыи. въ бѣикхъ п(с)ѣхъ надымаѣсѣ ноужею. хотѣ (с) расѣсти. и глѣдѣ сѣмо и ѡвамо. верескаѣ аки медвѣдѣ. и клича ѡлико могѣи. ПНЧ 1296, 135.

3.2.2.1. Рассмотрим сравнение человека и животного на основе узуальных признаков. Помимо приведенного выше сравнения зверя и человека по признакам жестокости и свирепости, в древних текстах представлены такие, например, сравнения на основе узуальных признаков, не нуждающихся в комментариях: лѣстѣть *яко* лисица ... (ὥς ἀλώπηξ) ФСт XIV/XV 179г: Змиѣ *ядомъ* погоублѣеть чѣлвкы. а жены злооумна зельи. Мен. н. XV, 184; *ядѣ* же лукавств(а) сблюдаеши аки аспидѣ и ехиднѣ. ПрЮр XIV₂, 261в; но мы на злоѣ възвращаемсѣ. аки свинѣѣ в калѣ грѣховнѣмъ присно калѣющесѣ и тако пребываемъ. ЛЛ 1377, 56об. (1068).

Некоторые названия животных выступают преимущественно в контекстах сопоставительного типа, и это способствует закреплению переносного значения у данного названия животного. Такой “трафарет ситуации” (Лихачев 1979, 80–83, 87) свойствен, как известно, сюжетам, связанным со Священным Писанием. Иллюстрацией может служить история слова *ягнец*: ‘1. Ягненок, жертвенное животное. 2. перен. кроткий, невинный человек’.

Как книжные *агньць* (142), *агнѣ* (9) (СДРЯ XI–XIV, I, 73), так и редко фиксируемый коррелят *ягнѣ* (Срезн., III, 1638) выступают главным образом в контекстах, где ягненок сопоставляется с человеком: ѡвъ бо прободениѣ въ ребра приѣтъ. ѡвъ же *яко* агньць заколенъ бытъ. Стих 1156–1163, 73: Но не возри на мя, княже господине, *яко* волъ на ягня. Сл. Дан. Зат. 230. На базе таких контекстов возникло переносное значение слов *ягнец* и *ягнёнок*, в котором они вошли в характерологическое подмножество (хотя в РСС у *ягнец* переносное значение почему-то не отмечено).

3.2.2.2. В текстах XI–XIV веков имеется немало сравнений человека с животным на основании окказиональных признаков, которые

впоследствии никак не закрепились в семантике названия животного. Как и рассмотренные выше закрепленные (узуальные) признаки, они характеризовали лицо.

Часть названий животных, представленных в этих сравнениях, развили переносные значения на основе других – узуальных – признаков (рассматриваются в разделе 3.2.2.2.1.), часть – вообще не развили переносного значения ‘лицо’ (рассматриваются в разделе 3.2.2.2.2.).

3.2.2.2.1. Помимо приведенного выше сравнения человек – медведь (п. 3.2.2.) укажем ряд контекстов, в которых имеет место сравнение человека с животным на основе окказиональных признаков; приведем также закрепленные позднее узуальные значения названий этих животных:

подобает(т) беспрестани оумомъ възбранити ꙗзыку и въздержати строу ꙗ его да не боудемъ безоумнѣише гоусии. Пч н. XV (2); ср. узуальное *гусь* ‘в некоторых сочетаниях ловкач или мошенник, пройдоха’;

и гоубаше ꙗко и коркодилъ. ЛИ ок. 1425, 245 (1201); ср. узуальное *крокодил* ‘человек некрасивой, отталкивающей внешности’;

разгнѣвасѧ зѣло и ꙗко лвъ рикнуувъ на правдынааго. ЖФП XII, 58в; ср. узуальное *лев* ‘человек высшего света, пользующийся в нем большим успехом’;

егда бо гнѣвасѧ пѣхаети ꙗко оселъ. ПрЮр XIV₂, 261в; ср. *осел* ‘тупой, упрямый и глупый человек’;

ꙗко же червь въ древѣ тако же моужа гоубитъ жена злодѣица. Пч н. XV (1); ср. *червь* ‘в сочетании со словами *сомнение*, *раскаяние*, *зависть* и некоторыми другими: о затаенном, постоянно мучающем чувстве’.

Сущ. *орел* в современном языке имеет два переносных значения, основанных на разных признаках: в одном из них акцентируются внутренние качества (‘отважный, сильный и решительный человек’), возможно, пересекающиеся с тем, на чем основано сравнение в тексте XIV века: мыслью парѧ акы ѡрелъ. Пр 1383, 108б; другое относится к физико-психологическому подмножеству (‘статный, крепкий и сильный мужчина, юноша’, см. Примечание 4).

Как видим, во всех перечисленных в разделе 3.2.2.1. случаях характерологические переносные значения у названий животных развились не на основе тех сравнений этих животных с людьми, которые зафиксированы в текстах XI–XIV вв.

Риторическим приемом, нередким в книжных текстах, были целые серии сравнений, одни из которых основывались на узуальных, другие – на окказиональных признаках: егда бо гнѣвасѧ пѣхаети ꙗко

оселъ скачеші аки быкъ. ржеші ꙗко конь на жены питаешисѧ аки медвѣдь. добылиши тѣло аки мска и вперь. помниши злобу аки вельблудъ. грабиши же аки волкъ. гнѣваешисѧ аки змии. врѣжаеші аки скоропиѧ. лицемѣрствуеші же аки лисица. ꙗдъ же лукавств(а) сблюдаеші аки аспіда и ехидна. ненавидиши же члѣвѣки аки рысь. враждуеші же аки злыи бѣсъ. просто рещі аки коза и щеница. ПрЮр XIV₂, 261в.

Разные признаки, основанные на разных ассоциациях с одним и тем же животным, могут использоваться в сравнениях этого животного с человеком. Так, сравнение с муравьем в одном из текстов основано на покорности (Егда припадаѣши предъ бѣмъ въ мѣтвѣ. так боуди въ помысле своѣмъ. аки мравиѧ и ꙗко гадъ земный. ПНЧ 1296, 120об.), в другом – на трудолюбии (Жена добра в домоу аки мравиѧ. Мен. к. XIV, 184). Одно из таких сравнений может быть узуальным (ср. узуальные признаки приведенных в разделе 3.2.2.1. сравнений со свиньей и аспидой), другое – окказиональным ('злая жена' – 'свинья': ꙗко же оусеразъ златъ въ ноздрѣхъ свинии. такое же и женѣ злосъмыслѣнѣ краса. Изб. 1073 г., л. 170; 'безумный' – 'свинья' и 'пес': Псомъ и свиніамъ не надобе злато и сребро, ни безумному мудрая словеса. Сл. Дан. Зат.; 'не желающий слышать полезных или обвинительных слов' – 'аспида': и акы аспиды затыкаѣмъ оуши свои. ꙗко же ны слышати что ны ꙗсть на ползу дѣши. СбХл XIV₁, 100об; аспіда оуши свѣи затыкаѣтъ. абы не слышати гла(с) обавнича. МПр XIV₂, 33об.).

3.2.2.2. В данном разделе приводятся сопоставительные употребления в текстах XI–XIV вв. тех названий животных, которые вообще не развили переносных значений. Таковы сущ. *вепрь*, дпр. *мѣскъ* 'мул', *верблюд*, *вол*, *коза*, *конь*, *моуха*, *рысь*, интерпретированные как в исторических, так и в современных словарях как однозначные, хотя они могут иметь известные постоянные коннотации: *работает как вол*, *как верблюд*; *эх ты, коза* и др.

В текстах XI–XIV вв. они используются для характеристики человека посредством сравнения его действий или свойств с животным: добылиши тѣло аки мска и вепрь. ПрЮр XIV₂, 261в; достигнути по еству ищемаго гнѣваеѣсѧ. ꙗко вельблудъ. ФСт XIV₂, 179г; коѧ бо оумилениѧ мнихомъ. ꙗгда стоѧтъ въ келии и въ цркви. и възвысѧтъ гла(с) свои ꙗко (во)лове (оі βόες). Пнч 1296, 124об.; егда бо гнѣваѣсѧ. пѣхаеші ꙗко оселъ < о таком сравнении с ослом см. выше. [И.У., Т.С.]> ... враждуеші же аки злыи бѣсъ просто рещі аки коза и щеница. ПрЮр XIV₂, 261в; да не будете ꙗко ко(н) и мѣскъ. в нихже нѣ(с) разума. ГБ к. XIV, 82в; ꙗкоже моухы сдраваѧ оудеса

прелѣтають, а къ гноинымъ мѣстомъ прилипають. тако же и завистливии. (αἱ μῦται). Пч н. XV (1), 104; сердить же бы(с) **яко** и рысь. ЛИ ок. 1425, 245 (1201).

3.2.3. Особым типом семантического сопоставления названий лиц и животных, используемым только в языке повседневного общения, являются зафиксированные в светских памятниках названия животных в составе личных имен: *Коза*: а оу козѣ вѣтъши ·ѿ· грівне. климате вѣзати. Гр до 1270 (новг.); *Козьль*: и тогда оубиша. Половечького князѧ. Козла Сотановича. ЛИ ок. 1425, 219 (1180); *Овѣца*: что есмь купи(л) у овци оу ивана. Гр 1353 (моск.); *Паоукъ*: и вѣзведе городъ Шюмескъ. и посла Володимирию посадника Паоука кормилца Володимира. ЛИ ок. 1425, 195 (1171).

Таким образом, в истории языка можно констатировать увеличение связи между характерологическим подмножеством лиц и классом животных.

Употребление названий животных в значении “лицо, обладающее признаками данного животного”, а также в рассмотренных выше сопоставительных контекстах свойственно всем разновидностям языка Древней Руси, за исключением деловой речи.

3.2.4. Рассмотренная связь между характерологическими названиями лиц и названиями животных является однонаправленной: первые редко используются для характеристики вторых; ср. характеристику животных посредством сопоставления с сущ. *царь*: **Ѡре**^т црь на^л пгѣцами, а **Ѡсетръ** на^л рыбами. Сл. Дан. Зат. (Бул.) (ср. *царь-колокол*, *царь-пушка* и т. п.).

3.3. Итак, мы рассмотрели в диахроническом аспекте отраженные в полисемии описываемых слов связи между рассмотренными в статье национально-территориальным и характерологическим подмножествами (эти связи достаточно ограничены и не пополняемы новыми фактами) и связи между характерологическим подмножеством и лексическим классом названий животных (эти связи регулярны и пополняются новыми фактами). Описанными явлениями полисемия слов рассматриваемых подмножеств не исчерпывается. Укажем еще ряд явлений, связанных с их полисемией.

3.3.1. В характерологическом подмножестве, полисемия которого, как ясно из изложенного, была достаточно развита (хотя и гораздо меньше, чем в современном языке), наряду с семантической моделью ‘животное’ → ‘лицо’, существовала и развивалась полисемия в рамках модели ‘материальное’ → ‘духовное’, реализовавшейся в разнообразных конкретных разновидностях. Возможно, одной из ранних реализаций этой модели был перенос ‘твердый предмет из дерева’ →

‘глупый человек’, а одним из ее наиболее ранних конкретных представителей было сущ. *бълванъ* в значениях ‘идол’ и ‘столб, чурбан’, фиксируемых с XII в. (СДРЯ XI–XIV, I, 328), а в значении ‘тупица, неуч, невежда’ – с XVII в. – в фольклоре (Что взговорит млад Алеша Попович: Гѣдръ ты, ласков княз<ь> Владимиръ Киевской, али ты, гѣдръ, с княинею не в любви живешъ, что промеж вами болван сидит нетѣсоной. Отр. был., 59, XVII в.) и в деловой письменности (Будто великий государь глупъ и болванъ, и дуракъ. Д. Иос. Колом., 7, 1675). Скорее всего эти фиксации (как и многие другие) отстают от реальных процессов; во всяком случае переходные стадии, т. е. контекстные сопоставления человека с идолом, фиксируются гораздо раньше: онъ же стояше акы бълванъ. държа стѣклницю съ винтъмъ. ЧудН XII, 71 (I, 328).

Аналогичный семантический переход имел место и в истории слова *остолопъ* (см. п. 2.2.3.).

У сущ. *дубина*, *дубъ*, *истоуканъ*, *полѣно*, судя по СДРЯ XI–XIV и Сл РЯ XI–XVII, эта семантическая модель еще не реализовалась.

От материального к духовному развивалась и история слова *крохобор*: компонент ‘собирать’ утратился и слово приобрело морально-оценивающие значения: ‘1. склонный к мелочной скупости; 2. внимательный к мелочам в ущерб общим, широким вопросам’.

У некоторых характерологических существительных перенос от материального к духовному осуществлялся, возможно, одновременно с возникновением слова, т. е. слово возникало сразу в переносном значении, причем прямое значение не фиксируется (ср. Шмелев 1962, 138–144). Такой процесс мог иметь место (достаточно рано) при возникновении книжных *сластолюбъць*, *бессребръникъ*, *подвижьникъ*, нейтрального *сребролюбъць*, возможно, разговорного *бессеребрьникъ*.

Вполне возможно возникновение переносных значений этих слов путем калькирования. Так, сущ. *бессребръникъ*, очевидно, калькировано греч. ἀνάρυρος (от ἄρυρος ‘1. серебро; 2. деньги (в частности, серебряные)’): Козма и дамианъ сѣга бѣсребръника бѣста. (ἀνάρυροι). Пр 1313, 80 г.

3.3.2. Как видим, характерологическое подмножество эволюционировало неизмеримо более интенсивно, чем национально-территориальное. Одним из проявлений этой эволюции было появление новых семантических моделей, т. е. развитие однотипных значений у серий слов. Укажем несколько таких серий, относящихся к характерологическому подмножеству. Их анализ не является задачей данной статьи, поскольку развитие большинства серий выходит за

ее хронологические рамки. Развитие этих моделей, по-видимому, во многом является отражением все большей роли разговорной речи в истории литературного языка. Так, исторические словари не фиксируют вторичных значений у таких, например, серий слов (значения поясняются указанием сочетаемости или толкованием):

– *апостол* (добра), *враг* (курения), *друг* (истины), *охотник* (до развлечений) (РСС, I, 73);

– *мудрец* ‘человек, относящийся к жизни философски, спокойно и мудро’; *философ* ‘человек, относящийся к житейским ситуациям разумно, рассудительно и спокойно’ (РСС, I, 81, 82);

– *мещанин* (узкий мир мещанина), *обыватель* (серая жизнь обывателя) (РСС, I, 82);

– *волшебник* (кисти), *гигант* (мысли), *голова* (ну ты и голова!), *исполин* (сцены), *кудесник* (музыки), *ум* (лучшие умы), *чародей* (рифмы), *чудотворец* (врач-чудотворец) (РСС, I, 87, 88);

– *бес* (бес-девка), *дьяволенок* (‘сорванец’), *разбойник* ‘шалун’ (РСС, I, 98, 99) и др.

Отсутствовал, по-видимому, перенос типа “сущ. – абстрактное качество” → “носитель этого качества”: *бездарность*, *бестолковицина*, *бестолочь*, *посредственность*, *серость*; *дарование*, *темнота*, *протота*, *мразь*, *погань*.

Не фиксируют исторические словари и многочисленные серии экспрессивно-оценочных слов, в том числе и возможные в древнерусский период со структурно-словообразовательной точки зрения: *писака*, *грамотей*, *вояка* и т. п.

4. В данной статье мы ограничились рассмотрением двух подмножеств, названий лиц, зафиксированных в памятниках XI–XIV вв. и отчасти XV–XVII вв.

В статье описаны национально-территориальное и характерологическое подмножества названий лиц в соответствии с классификацией, данной в РСС I применительно к современному языку, но пригодной, с нашей точки зрения, и для лексики предшествующих эпох. Рассмотренные семантические подмножества и в эти периоды существенно различаются между собой как по количественному составу и структуре (центр и периферия), так и по соотношению образующих их функционально-стилистических разрядов (разговорные, нейтральные, книжные слова).

Из рассмотренных двух подмножеств больше разговорных слов в XI–XIV вв. имело, несомненно, национально-территориальное подмножество, содержащее большое количество названий жителей, которое могло постоянно пополняться исконно русскими разговорными

словами с появлением новых мест обитания. Можно считать, что разговорные слова составляли центр данного подмножества.

В характерологическом подмножестве, как оно отражено в памятниках, центр составляли, наоборот, нейтральные и книжные слова, а разговорные – периферию.

Изучение других подмножеств названий лиц XI–XIV вв., описание которых в связи с недостатком места не вошло в данную статью, выявило некоторые другие особенности размещения и состава функционально-стилистических разновидностей слов в пределах подмножеств. Так, центр подмножества терминов родства составляют нейтральные слова, означающие ближайшее родство; специфика же разговорной периферии этого подмножества состоит в том, что она включает стилистически маркированные синонимы или деминутивы, образованные от нейтральных “центральных” слов.

Название лиц “по сословному положению, титулованию, по экономическому, правовому состоянию, по положению личного хозяйства или зависимости, по обладанию собственностью” (РСС, I, 129–154) (условно эту группу можно назвать сословным подмножеством) с точки зрения изучаемой структуры являются полицентричными: один центр образуют довольно многочисленные разговорные слова (*панъ, бояринъ, холопъ, истъць, закладъникъ* и др.), а другой – нейтральные (*господинъ, господъ, бояринъ, коупъць, кнѣзь, рабъ* и др.).

Как видим, структура подмножества тесно связана с его семантикой.

Генетический состав каждого подмножества заслуживает специального изучения. Необходимо детально определить, каким образом происхождение слова было связано с его семантическими и функционально-стилистическими особенностями. Здесь мы лишь отметим, что западные заимствования (*панъ, пани, герцогъ, шляхтичъ*) входят в язык повседневного общения через деловую и устную речь и в книжных памятниках почти не употребляются.

Размеры статьи не позволили нам описать процессы семантического взаимодействия внутри лексико-семантических рядов (и уже – синонимических рядов), но мы надеемся, что в статье есть материал для описания такого взаимодействия.

Дальнейшее изучение разговорной древнерусской лексики на более полном и постоянно пополняющемся материале в ее взаимодействии с нейтральной и книжной лексикой, выявит, надо полагать, новые закономерности этой связи и семантические особенности каждой из выделенных единиц классификации. Расширение хронологических

рамок диахронического изучения каждой из групп (в идеале возможное до современности) могло бы открыть закономерности формирования различных хронологических пластов в пределах лексических множеств, подмножеств и лексико-семантических рядов.

Данную статью можно рассматривать как начало описания семантики лексики языка повседневного общения Древней Руси на фоне нейтральной и книжной лексики, как попытку семантической классификации части лексики XI–XIV вв. и как небольшой шаг к созданию идеографических и синонимических словарей древнерусского языка. Осуществление этих работ открыло бы новые возможности исследования лексики языка Древней Руси с различных точек зрения, а также дало бы материал для суждения о языковой картине мира этого периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полностью рассмотрены и приведены с цитатами разговорные слова XI–XIV вв., представленные в СДРЯ XI–XIV, I–VI. В качестве дополнительного рассматривается материал Сл РЯ XI–XVII и Срезн. Мы пользуемся принятыми в этих словарях сокращениями, которые раскрываются в разделе ‘Источники’.

² В своей основе сохраняется классификация слов и названия классов, подмножеств и лексико-семантических рядов, выделенных в РСС I. Опускаются те единицы классификации (это всегда конечные лексико-семантические ряды), которые в нашем материале не представлены. В данной статье рассматриваются лишь названные первые два раздела (2.1. и 2.2.) из пяти подмножеств, входящих в более крупное (и основное для названий лиц) подмножество “названия лиц по характерным признакам”. Помимо национально-территориального (п. 2.1.) и характерологического (п. 2.2.) подмножеств, к названиям лиц по характерным признакам относятся: названия лиц “по социальному свойству, средоточию в лице характерных социальных черт своего времени, по характерному социальному состоянию, действию, функции, по личным и общественным отношениям, связям” (РСС, I, 121–191); сокращенно назовем его социальным подмножеством; названия лиц “по профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиям, функциям, отношениям” (РСС, I, 195–325); сокращенно – профессиональное подмножество; названия лиц “по физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию” (РСС, I, 325–341); сокращенно – физико-психологическое подмножество. Кроме того, в лексический класс “названия лиц” на разных ступенях классификации (см. схему 9 в РСС, I, 66) входят “религиозные, мифологические, сказочные, фантастические человекоподобные существа” (РСС, I, 386–395), “совокупности лиц” (РСС, I, 350–386) и “названия собственно оценки, обращения” (РСС, I, 341–350). Все эти группы могут быть предметом диахронического исследования.

³ Цифра, стоящая в скобках после приводимого слова, означает частоту этого слова в СДРЯ XI–XIV. Отсутствие этой цифры означает, что приводимое слово не входит в вышедшие т. I–VI данного словаря и описывается по Сл РЯ XI–XVII или Срезн.

⁴ Переносные значения названий животных используются для обозначения названий лиц также: а) в физико-психологическом подмножестве (РСС, I, 325–341; см. примечание 2): *клоп*, *пугалища* в знач. ‘крошка, малявка’, *жаворонок*, *сова*, *бугай*, *выдра*,

глиста, жеребец, кляча, кобыла, кобылка, корова, лошадь, мастодонт, слон, сморчок, каракатица, крокодил; б) в подмножестве “названия собственно оценки, обращения” (РСС, I, 341–350): голубица, голубка, киса (киска) в знач. ‘мягкая и ласковая, располагающая к себе женщина, девочка’, орел в знач. ‘статный, крепкий и сильный мужчина, юноша’, сокол в знач. ‘молодой мужчина, юноша, отличающийся красотой, силой и удалью, отвагой’, цыпочка, букашка, козявка, тля, червяк, в том числе употребляющиеся как бранные слова (об их описании см. РСС, I, 62, 63), аспид, выдра, гад, гадюка, жаба, звереныш, змееныш, змей, змея, кикимора, кляча, корова, осел, ослица, поросенок, свинья, скот, скотина, собака, сучка, троглодит.

⁵ Многозначность названий древнерусских животных, представленная довольно регулярными моделями (‘животное’ → ‘похожий на него человек’ и ‘животное → мясо животного’; ср. также ‘шкура белки’, ‘кость слона’), в остальном довольно ограничена и к названиям лиц не имеет отношения: бѣлка, бѣла, вѣкъша, коуна, коуница ‘денежные единицы’, скоть ‘деньги’, коза (13) ‘вид железной подставки, таган (?)’; козыль (31) ‘деревянная колода с отверстием для шей’, свиница ‘особое расположение войска для нападения’, слонъ ‘стенбитное орудие’, козорогъ, скорѣиши (скорѣиость, скрании) – знаки зодиака, змѣи ‘пушечный снаряд’ и мн. др.

ИСТОЧНИКИ (тексты, словари, древнехранилища)

- Ав. Кн. бес., 1675 – Аввакум: Книга бесед, *Памятники истории старообрядчества XVII в.*, Ленинград, 1927, кн. 1, вып. 1 (РИБ, т. 39), стлб. 241–393, 1669–1675 гг.
- Ав. Кн. обл., 1679 г. – Аввакум: Книга обличений или Евангелие вечное, *Памятники истории старообрядчества XVII в.*, Ленинград, 1927, кн. 1, вып. 1 (РИБ, т. 39), стлб. 577–650, 1679 г., сп. XVIII в.
- Ав. Сотв. мира, 1672 г. – Аввакум: О сотворении мира, грехопадении первого человека и о потопе, *Памятники истории старообрядчества XVII в.*, Ленинград, 1927, кн. 1, вып. 1 (РИБ, т. 39), стлб. 651–684, 1672 г.
- АИ I 1382 г. – Акты исторические, собранные и изданные Археографического комиссией, т. I, Санкт-Петербург, 1841, 1334–1598.
- А. Пыскор. м., № 338, XVII в. ~ 1589 г. – Акты Спасо-Преображенского Пыскорского монастыря 1579–1679 гг., Рукоп., Санкт-Петербург, ФИРИ РАН, к. 115, № 388, сп. XVII в.
- АРГ – Акты Русского государства 1505–1526 гг., Москва, 1975.
- Артакс. действо. – Артаксерксово действо. Первая пьеса русского театра XVII в., Москва; Ленинград, 1957, 1672 г., сп. 1672–1674 гг.
- Арх. Стр. I, 1475 г. – Архив П. М. Строева, т. I, РИБ, т. 32, Петроград, 1915, 1400–1597 гг.
- БАН – Библиотека Академии наук, Отдел рукописной и редкой книги.
- Библ. Генн. 1499 г. – Книги ветхого и нового завета, писаны в 1499 г. в Новгороде, при дворе архиеп. Геннадия. Рукоп. ГИМ, Син., № 915.
- ВМЧ. Сент. 14–24, XVI в. – Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Дни 14–24, Санкт-Петербург, 1869, стлб. 673–1392, XVI в.
- ВМЧ. Дек. XVI в. ~ XIV в. – Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием, Москва, 1901–1912, XVI в.
- Врем. И. Тим., XVII в. – Временник Ивана Тимофеева, Москва; Ленинград, 1951, сп. XVII в.
- ГА XIV₁ – Хроника Георгия Амартола, славяно-русский перевод XI в. в сп. XIV в., РГБ, Фонд., № 100. Изд.: Истрин, В. М.: *Книги временныя и образныя Георгия Мниха*. Хроника Георгия Амартола в славяно-русском переводе, т. I, Текст, Петроград, 1920.
- ГБ к. XIV – Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского, конец XIV в., ГИМ, Син., № 254, 213 л.

- ГИМ – Государственный исторический музей, Отдел рукописей и старопечатных книг.
- Гр 1229 сп. 1270–1277 (смол.) – Торговый договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г., сп. D, 1270–1277 гг. Хран.: РА, ф. 1А сарс “А”, № 17. Изд.: *Смоленские грамоты XIII–XIV веков*, Москва, 1963, 35–39.
- Гр 1265 сп. н. XV (полоцк.) – Грамота полоцкого кн. Изяслава ливонскому геррмейстеру и рижанам о свободной торговле и продолжении мирных сношений, ок. 1265 г. Хран.: РА. Изд.: *Полоцкие грамоты XIII–XVI вв.*, вып. 1, № 2, Москва, 1977.
- Гр 1353 (моск.) – Грамота духовная московского в. кн. Симеона Ивановича Гордого, 24–25 апр. 1353 г. (Кучкин, В. А.: ‘К датировке завещания Симеона Гордого’, *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования*, 1987 г., Москва, 1989, 99–106). Хран.: РГАДА. Изд.: *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.*, Москва–Ленинград, 1950.
- Гр. сер. XIII (смол.) – Грамота договорная неизвестного смоленского кн. с Ригой и Готским берегом, сер. XIII в. Хран.: РА, ф. 1А, сарс. “А”, № 16. Изд.: *Смоленские грамоты XIII–XIV веков*, Москва, 1963.
- Гр до 1270 (новг.) – Грамота духовная новгородца Климента, до 1270 г. Хран.: ГИМ. Изд.: Сахаров, И. П.: *Образцы древней письменности (снимки судебного письма русского, литовско-русского и малорусского (XII–XVIII вв.)), Санкт-Петербург, 1841? и 1852?.*
- Гр 1296 (новг.) – Грамота договорная Новгорода с в. кн. тверским Михаилом Ярославичем, 1296 г. Хран.: РА. Изд.: Шахматов, А. А.: ‘Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV вв.’, *Исследования по русскому языку*, т. 1, Санкт-Петербург, 1885–1895.
- Гр до 1359 (смол.) – Грамота договорная смоленского кн. Ивана Александровича с Ригой, до 1359. Хран.: РА, ф. 1А, сарс. “В”, № 25а. Изд.: *Смоленские грамоты XIII–XIV веков*, Москва, 1963, 69–71.
- Гр 1368 (ю.-р.) – Грамота купчая львовского местича Ганька Сварца Олешке Малечковичу на село Ширцу, 1368 г. Хран.: Biblioteka Czartoryskich (в Кракове). Изд.: Розов, В.: *Українські грамоти, т. I (XIV в. і перша половина XV в.)*, Київ, 1928, № 8.
- Гр 1368–1371 (новг.) – Грамота договорная тверского в. кн. Михаила Александровича с Новгородом, 1368–1371 гг. Хран.: РГАДА. Изд.: Шахматов, А. А.: ‘Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV вв.’, *Исследования по русскому языку*, т. 1, Санкт-Петербург, 1885–1895, № 16, 264–265.
- Гр 1392 (новг.) – Грамота мирная (Нибуров мир) новгородцев с немецкими купцами (список В). Хран.: РА. Цит. по фотокопии.
- Гр 1399 (2, з.-р.) – Грамота литовского в. кн. Витовта рижскому бургомистру Т. Ниенбрюгге о взаимной присяге, 6 марта 1399 г. Хран.: РА. Изд.: Сахаров, И. П.: *Образцы древней письменности (снимки судебного письма русского, литовско-русского и малорусского (XII–XVIII вв.)), Санкт-Петербург, 1841? и 1852?.*
- Грамотки – Грамотки XVII–начала XVIII в., Москва, 1969, 1629–1701.
- ГрБ № 46, 10–30 XIV – Изд.: Зализняк 1995.
- ГрБ № 607/562 XI/XII – Изд.: Зализняк 1995.
- Гр Наз. XI в. – Будилович, А.: *XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи имп. Публ. б-ки XI в.*, Санкт-Петербург, 1875, XI в.
- ДАИ, X – Дополнения к Актам историческим, т. 10, Санкт-Петербург, 1867, 1682–1683 гг.
- Дан. Иг. (Нор.) – Странникъ игумена Даниїла по изданію А. С. Норова: *Путешествіе игумена Даниїла по святой землѣ въ началѣ XII в.*, Санкт-Петербург, 1864 (Срезн., I, 9’).
- Д. Иос. Колом., 1675 – Титов, А. А.: Иосиф архиепископ Коломенский (Дело о нем 1675–1676 гг.), Чт. ОИДР, 1911, кн. 3, отд. I, 1–160.
- Дм. XVI в. – Домострой по списку имп. Общества истории и древностей российских. Чт. ОИДР, 1881, кн. 2, 1–165, сп. XVI в.

- Дог. гр. в. к. Дм. Ив. 1389 г. – Договорная грамота вел. кн. Дмитрия Ивановича съ братомъ Владимиромъ Андреевичемъ 1389 г. (въ подлин.), *Собрание государственных грамот и договоров*, Москва, 1813, т. 1, № 33 (Срезн., I, 10').
- Док. моск. театра, 1672 г. – Московский театр при царях Алексее и Петре. Материалы, собр. С. К. Богоявленским, Чт. ОИДР, 1914, кн. 2, отд. I, 1–192, 1672–1709 гг.
- Др. пам.¹ – Срезневский, И. И.: *Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков). Общее повременное обозрение*, Санкт-Петербург, 1863.
- Ефр. Крм. Крѹ. – Кормчая книга Ефремовская, написанная около 1100 г., Московской синодальной библиотек. Правила Карфагенских соборовъ (Срезн., I, 14'; ср. КЕ XII).
- Жал. гр. Андр. п. 1397 г. – Жалованная грамота Можайского кн. Андрея Дмитриевича Кириллову Бѣлозерскому мон. послѣ 1397 г. (въ спискахъ). Изд.: Русская историческая библиотека, т. 2, стлб. 8–15 (Срезн., I, 16').
- Ж. Ал. Нев. (Мал.), 189, XVI в.~XIII в. – Малышев, В. И.: *Житие Александра Невского* (по рукописи середины XVI в. Гребенщиковской старообрядческой общины в г. Риге), ТОДРЛ, V, Москва; Ленинград, 1947, 188–193, XIII в., сп. XVI в.
- ЖВИ XIV–XV – Сборник житий и слов, XIV–XV вв., РНБ, Соф., № 1365, 255 л.; л. 1в–135г. – Житие Варлаама и Иосафа.
- Жит. Андр. Юр. – Молдован, А. М.: *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности*, Москва, 2000.
- Жит. Сим. Ст. XIII в. – Житие св. Симеона Столпника, находящееся в началѣ рукописи Пандальонъ Никона Черногорца 1296 г. Моск. синодальной библиотек. (Срезн., I, 20').
- Ж. Стеф. Махр. – Житие Стефана Махрицкого, сост. Иосафом еп. Вологодским, XVI в. Рукоп. РГБ, ф. 178 (Муз.), № 2496 (Поп. № 62), 446–446об., сп. начала XVII в.
- ЖФП XII – Житие Феодосия Печерского, по Успенскому сборнику XII в., ГИМ, Усп., № 4-п, л. 26а–67в. Изд.: *Успенский сборник XII–XIII вв.*, Москва, 1971, 71–135.
- Зин. Отен. Сл. ч. Ионы Новг., XVI–XVII в.~XVI в. – Воспоминания об Ионе, архиеп. Новгородском и похвальное ему слово и чудеса, сост. Зиновием Отенским между 1564–1568 гг. Рукоп. РГБ, ф. 256 (Рум.), № 154, л. 288–310об., XVI в., сп. конца XVI или начала XVII в.
- Изб 1076 – Изборник Святослава, 1076 г. Хран.: РНБ, Эрмитажн., № 20. Изд.: Изборник 1076 г., Москва, 1965.
- Ио. екз. Бог. XII–XIII вв. – Богословие св. Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна екзарха Болгарского, Чт. ОИДР, 1877, кн. 4, сп. XII–начала XIII в.
- Ип. л. – Лѣтопись по Ипатскому списку; выписки проверены по изданію Археогр. Комиссии (Санкт-Петербург, 1871) (Срезн., I, 22'; ср. ЛИ ок. 1425).
- Ис. Нав. по сп. XV в. (В) – Книга Иисуса Навина по сп. XV в. (выписки из Словаря А. Х. Востокова) (ср. Срезн., I, 23').
- Каз. лет., XVII в.~XVI в. – История о Казанском царстве (Казанский летописец), ПСРЛ, т. 19, Санкт-Петербург, 1903, сп. XVI–XVII вв. (стлб. 1–188: XVI в., сп. XVII в.: стлб. 189–496: XVI в., XVI–XVII вв.).
- Калуж. а. – Маркевич, А. И.: *Калужские купцы Дехетеревы*, Одесса, 1892, 1636–1792 гг.
- КЕ XII – Кормчая Ефремовская, XII в. ГИМ, Син., № 227. Изд.: *Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований*, труд Бенешевича В. П., т. I, Санкт-Петербург, 1906.
- КН 1285–1291 – Кормчая Новгородская, 1285–1291 и сер. XIV в. ГИМ, Син., № 132, 631 л.
- КР 1284 – Кормчая Рязанская 1284 г., РНБ, Ф. п. I, 1, 402 л.
- ЛВ¹ – Новый лексикон на французском, немецком, латинском и на русском языках, переводу ассессора Сергея Волчкова, Санкт-Петербург, [1755]–1764, ч. 1–2.
- ЛИ ок. 1425 – Ипатьевская летопись, 2-е изд., Санкт-Петербург, 1908 (ПСРЛ, т. 2).
- ЛЛ 1377 – Лаврентьевская летопись, 2-е изд., Ленинград, 1926–1927 (ПСРЛ, т. 1, вып. 1–2).

- ЛН – Новгородская харатейная летопись, Москва, 1964; ЛН XIII₂– л. 1–118. ЛН ок. 1330– л. 119–169.
- Львов. лет., I – Львовская летопись, ч. 1. ПСРЛ, т. 20, первая пол., Санкт-Петербург, 1910, 1–418, сп. XVI в.
- Мен. н. XV – Изречения Менандра по рукописи: Пчела, начало XV (1), РНБ, Ф. п. I, 44: л. 182–188об.
- Мин. окт., 1096 г. – Месяц октябрь, Ягич, И. В.: *Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг.*, Санкт-Петербург, 1886, 1–264, 1096 г.
- Мин. ноябрь, XII–XIII вв. – Месяц ноябрь, Ягич, И. В.: *Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь*, Санкт-Петербург, 1886, 267–512, 1097 г. XII в.
- Моск. лет. – Московский летописный свод конца XV века, ПСРЛ, т. 25, Москва; Ленинград, 1949, сп. первой трети XVI в.
- МПр XIV₂ – Мерило праведное, вторая пол. XIV в. Хран.: РГБ, Тр.-Серг., № 15. Изд.: *Мерило праведное по рукописи XIV в.*, Москва, 1961.
- Надп. XI–XII (5) – Надписи-граффити на стенах Зверинецких пещер в Киеве XI–XII вв. Изд.: Каманин, И.: *Зверинецкие пещеры в Киеве*, Киев, 1914, 84–87, 107.
- Новая пов. XVII в. – ‘Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском’, РИБ, Ленинград, 1925, т. 13, изд. 3-е, стлб. 187–216, сп. XVII в.
- Новг. I л. (по Арх. сп.) – Новгородская летопись по списку Археографической комиссии XV в. (см. Срезн., I, 31’).
- Новг. судн. гр. 1471 г. – Судная Новгородская грамота (в списке). *Акты, собранные ... Археографической экспедицией Имп. Акад. Наукъ*, Санкт-Петербургъ, 1836, т. 1, № 92 (Срезн., I, 31’).
- Олон. а., карт. VI, сст. 28, 1662 г. – Олонецкие акты XVI–XVII вв. Хранятся в Санкт-Петербурге, ФИРИ РАН, ф. 98 (Олонецкая приказная изба), карт. 1–19.
- Остр. ев. – Остромирово евангелие 1056–1057 гг. С приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым, Санкт-Петербург, 1843.
- Отр. был., XVII в. – ‘Отрывок из неизвестной былины’, *Русские былины старой и новой записи*, Москва, 1894, отд. I, 59–60, сп. XVII в.
- Панд. Ант. XI в. – Пандекты Антиоха по сп. XI в. Воскресенского Новоіерусалимского мон. (Срезн., I, 33’).
- ПКП 1406 – Киево-Печерский патерик (Арсениевская редакция), 1406, РНБ, Q. п. 1, 31.
- ПНЧ 1296 – Пандекты Никона Черногорца, 1296 г., ГИМ, Син., № 836, 180 л.
- Пов. вр. л. (по Ип. сп.) – Повесть временныхъ лѣтъ по Ипатьевскому списку. *Повесть временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку*, Санкт-Петербургъ, 1871 (Срезн., I, 34).
- Пов. прихож. на Псков², XVII в. ~1577 г. – ‘Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием’, *Русские повести XV–XVI веков*, Москва; Ленинград, 1958, 124–166, 80-е гг. XVI в., сп. начала XVII в.
- Польск. д. I – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. 1, Москва, 1882, *Сборник Русского исторического общества*, т. 35, с 1487 по 1553 г.
- Польск. д. III. – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. 3, Санкт-Петербург, 1892, *Сборник Русского исторического общества*, т. 71, 1560–1571 гг.
- Пр 1313 – Пролог сентябрьской половины 1313 г., ГИМ, Син., № 239, 210 л.
- ПрЮр XIV₂ – Пролог “Юрьевский” сентябрьской половины, вторая пол. XIV в., РГАДА, ф. 381, № 153 (Тип., № 153), 299 л.
- Правда Рус. (пр.) – *Правда Русская I. Тексты*, Москва; Ленинград, 1940.
- Праздник каб., XVII в. – Адрианова-Перетц, В. П.: *Праздник кабацких ярыжек. Пародия-сатира второй половины XVII века*, Москва; Ленинград, 1936, вторая пол.

- XVII в. (то же изд.: *Русская демократическая сатира XVII в.*, Москва; Ленинград, 1954, 46–64).
- Пролог (Срз.) – Пролог сентябрьской половины года. Рукоп. БАН, 24.4.33 (Срезн.), начало XV в.
- Прох. Жит. Ио. Бог. – Прохорово сказание о житии и деяниях Иоанна Богослова. См. Срезневский, И. И.: *Сводныя и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ*, т. 2 (Санктъ-Петербургъ, 1876), № 67 (Срезн., I, 38').
- ПСЗ I, 1666 г. – *Полное собрание законов Российской империи*, т. 1, Санкт-Петербург, 1830, 1649–1675 гг.
- Псков. разгов. I, 1607 – *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian*, Pskow, 1607, Eds L. L. Hammerlich, R. Jakobson, E. van Schooneveld e. a., Vol. 1, Faksimile Copy, Copenhagen, 1961, 1607 г.
- Псков. разгов. II, 1607 – *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian*, Pskow, 1607, Eds L. L. Hammerlich, R. Jakobson, Vol. 2, Transliteration and Translation, Copenhagen, 1970 г.
- Псков. судн. гр. – Псковская судная грамота 1397–1467; выписки проверены по списку, изд. Мурзакевичемъ (Одесса, 1868) (Срезн., I, 38', 39').
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
- Пч н. XV (1) – Пчела н. XV в., Хран.: РНБ, Ф. п. I, 44. Изд.: *Древнерусская Пчела по пергаменному списку, Сб ОРЯС*, т. 54, Санкт-Петербург, 1893.
- Пч н. XV (2) – Пчела, н. XV в., Хран.: РГАДА, ф. 181, Фонд Рукописного отдела Московского государственного архива Министерства иностранных дел в РГАДА, № 370.
- РА – Исторический архив Латвии (Рига).
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов (бывш. ЦГАДА).
- РГБ – Российская государственная библиотека (бывш. ГБЛ), Отдел рукописей.
- РИБ – Русская историческая библиотека (т. 1–39, Санкт-Петербург, 1872–1927).
- РНБ – Российская национальная библиотека (бывш. ГПБ), Отдел рукописей и редких книг.
- Р. прав. Влад. Мон. (по Син. сп.) – см. Р. Пр. сп. 1285–1291.
- Р. Пр. сп. 1285–1291 – Русская правда (пространная редакция) по списку Новгородской кормчей 1285–1291 гг. Изд.: Карский, Е. Ф.: *Русская правда по древнейшему списку*, Ленинград, 1930.
- РСС I, II – *Русский семантический словарь*, т. I, II, Москва, 2000.
- СбСоф XIV–XV – Сборник, XIV–XV вв., РНБ, Соф., № 1262.
- СбХл XIV₁ – Сборник, первая пол. XIV в., ГИМ, Хлуд., № 30д.
- СДРЯ XI–XIV – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), т. I–, Москва, 1988–.
- Сл XVIII – Словарь русского языка XVIII века, т. I–, Ленинград, 1984–.
- Сл. Дан. Зат. – Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам, Ленинград, 1952, сп. XVI–XVII вв.
- Сл. Дан. Зат. (Бусл.) – Слово Даниила Заточника по сп. XVI–XVII вв. (Буслаевъ, О.: Историческая хрестоматия Церковно-Славянского и Древне-Русского языковъ, Москва, 1861) (Срезн., I, 3', 42').
- Сл РЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 1–, Москва, 1975–.
- Сл. Шrove. – “*Ein Russisch Buch*” Thomasa Schrouego. Część II, Kraków, 1997, XV в., сп. XVI в.
- Срезн. – Срезневский, И. И.: *Словарь древнерусского языка*, Репринт. изд., т. I–III, Москва, 1989.
- ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, Москва; Ленинград.
- Травник Любч. XVII в. ~ 1534 г. – Травник (Лечебник), перевод немчина Николая Любчанина [Булева]. 1534 г. Рукоп. ГИМ, Увар., № 387 (1°) (Царск. № 615), XVII в.
- Ушаков, 1935–1940 – Толковый словарь русского языка, т. 1–4, под ред. проф. Д. Н. Ушакова, Москва.
- Фасм. – Фасмер, М.: *Этимологический словарь русского языка*, т. I–IV, 3-е изд., Санкт-Петербург, 1996.

- Флавий Полон. Иерус. I. – La prise de Jérusalem de Josèphe le Juif. Par V. Jstrin, t. 1, Paris, 1934, XI в., сп. XV–XVI вв.
- ФССт XIV/XV – Огласительные поучения Феодора Студита, XIV–XV вв., Хран.: ГБЛ, МДА, ф. 172 (1), № 52, 230 л.
- Хоз. Мор., I, 1652 г. – Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. (Хозяйство боярина Б. И. Морозова, ч. I), *Материалы по ист. феод.-крепостн. хозяйства, вып. I*, Москва; Ленинград, 1933, 1646–1674 гг.
- Чт ОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских.
- ЧудН XII – ‘Чудеса Николая Чудотворца’, Златоструй и отрывок торжественника XII в., РНБ, Ф. п. I, 46, л. 66а–78б.
- Швед. д. – Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством, Сб. Русского исторического общества, т. 129, Санкт-Петербург, 1910, 1556–1586 гг. (стр. 127–170: ‘Статейный список послов боярина И. М. Воронцова с товарищи’ изд.: *Путешествия русских послов XVI–XVII вв.*, Москва; Ленинград, 1954, 7–62).
- Якут. а., карт 4, № 23, 1642 – Якутские акты, 1638–1647 гг. Хранятся в Санкт-Петербурге, ФИРИ РАН, ф. 160, оп. 1, карт. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян, Ю. Д.: 1995, ‘Образ человека по данным языка: попытка системного описания’, *Вопросы языкознания*, вып. 1, 37–67.
- Вендина, Т. И.: 2002, *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*, Москва.
- Виноградов, В. В.: 1978, ‘Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в.’, *Избранные труды. История русского литературного языка*, Москва, 254–287.
- Виноградов, В. В.: 1999, ‘Личность’, *История слов*, Москва, 271–309.
- Еремин, И. П.: 1949, ‘Киевская летопись как памятник литературы’, *Труды отдела древнерусской литературы*, вып. 7, Москва–Ленинград, 67–97.
- Зализняк, А. А.: 1995, *Древненовгородский диалект*, Москва.
- Кандаурова, Т. Н.: 1968, ‘Полногласная и неполногласная лексика в прямой речи летописи’, *Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология*, Москва, 72–94.
- Лихачев, Д. С.: 1979, *Поэтика древнерусской литературы*, 3-е изд., Ленинград.
- Улуханов, И. С.: 1969, ‘Старославянизмы и народно-разговорные слова в памятниках древнерусского языка XI–XIV вв. (глаголы с приставками *пре-*, *пере-* и *предъ-*)’, *Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка*, Москва, 128–176.
- Улуханов, И. С.: 1975, ‘Некоторые вопросы техники переводов с греческого, сделанные на Руси’, *Древнерусский язык. Лексикология и словообразование*, Москва, 167–183.
- Улуханов, И. С.: 2002, ‘Р. И. Аванесов как инициатор и редактор “Словаря древнерусского языка” (XI–XIV вв.)’, *Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова*, Москва, 371–378.
- Улуханов, И. С.: 2003, ‘О новых возможностях изучения истории славянских языков (по материалам “Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.”)’, *Славянское языкознание. Материалы конференции (Москва, июнь 2002 г.)*, Москва, 314–336.
- Улуханов, И. С.: ‘История слов с суффиксом *-тель*’ (в печати).
- Улуханов, И. С., Солдатенкова, Т. Н.: 2002, ‘О некоторых перспективах изучения исторической лексикологии русского языка’, *Russian Linguistics* 26, 29–61.

- Чернышова, М. И.: 1998, 'Человек в древнерусских и византийских памятниках (лексикологический аспект)', *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации*, Москва, 569–591.
- Шмелев, Д. Н.: 1962, 'Несколько замечаний о "первоначальных" и "переносных" значениях слова', *Историческая грамматика и лексикология русского языка*, Москва, 138–144.

Katholieke Universiteit Leuven

tatjana.soldatjenkova@arts.kuleuven.ac.be

Москва (РАН ИРЯ)